

ВОРОНЕЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 ІЮНЯ 1902 ГОДА.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ 1 и 15 чиселъ.

№ 9

Цѣна годовому изда-
нію 5 руб.

Священникъ Казанской церкви, села Хрѣноваго Бобровскаго уѣзда, Іоаннъ *Медведевъ* въ 22 день Февраля 1902 года Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ *св. Владимира 4-й ст.* за 50-лѣтнюю службу въ священномъ санѣ.

Священники церквей: Вознесенской соборной города Нижнедѣвица, Василій *Вышневицкій*, слободы Казначеевки, Валуйскаго уѣзда, Тихонъ *Путилинъ*, слободы Уразовой, того же уѣзда Василій *Прохоровъ*, села Верхняго Карачана, Новохоперскаго уѣзда, Павелъ *Гавриловъ*, слободы Лосевой, Павловскаго уѣзда, Іоаннъ *Федоровъ*, села Пузева, того же уѣзда, Михаилъ *Лихницкій*, села Новой Бриуши, Богучарскаго уѣзда, Николай *Бълзоровъ*, села Ксизова, Задонскаго уѣзда, Георгій *Вележевъ*, слободы Бабичевой, Валуйскаго уѣзда, Михаилъ *Мѣшковскій*,—первый за 12-лѣтнее проработаніе должности Благочиннаго, а прочіе за 25-лѣтніе тру-

ды по народному образованію, въ 3 день Февраля мѣсяца 1902 г. Всемилостивѣйше пожалованы орденомъ *св. Анны 3-й степени*.

Списокъ лицамъ, кои къ 6 Декабря 1901 г. за заслуги по духовному вѣдомству Всемилостивѣйше пожалованы медалями съ надписью „за усердіе“.

Для ношенія на шеѣ *серебряными на Станиславской лентѣ*:

Старосты церквей: села Фоминой Негочевской Землянского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Алехинъ*.

Села Брещенки, того же уѣзда, крестьянинъ Петръ *Азаровъ* и Рождество-Богородицкой церкви города Богучара, крестьянинъ Степанъ *Скоморохинъ*.

Для ношенія на груди *золотою на Аннинской лентѣ*: староста церкви села Бруглаго, Коротоянскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Кулаковъ*.

Серебряными на Александровской лентѣ: учительница церковно-приходской школы гор. Острогожска Александра *Петкевичъ*.

Учители церковно-приходскихъ школъ: слободы Сончиной, Острогожскаго уѣзда, Борисъ *Выковский*, села Верхнего Базачья, Задонскаго уѣзда, Тихонъ *Петровский* и села Вязноватаго Нижнедѣвицаго уѣзда, Семенъ *Кармановъ*.

Староста Троицкой соборной церкви г. Богучара 2 гильдія купецъ Петръ *Курановъ* за сооруженіе на собственные средства въ г. Богучарѣ новой соборной церкви и снабженіе ея ризницею и утварью въ 3 день Февраля 1902 г. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ *св. Анны 3-й ст.*

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены на мѣста:

А) На Священническія:

Священникъ Брестовоздвиженской церкви, слободы Медвѣжьей, Богучарскаго уѣзда, Іоаннъ *Долгополовъ*, по прошенію, перемѣщенъ въ Николаевской церкви, села Турова, Исаидѣвцакаго уѣзда, 1 Апрѣля.

Діаконъ Богоявленской церкви, села Старо-Садоваго, Бобровскаго уѣзда, Іоаннъ *Драчевъ*—въ Успенской церкви, села Старой Чиглы, того же уѣзда, 6 Апрѣля.

Б) На Діаконскія:

Псаломщикъ Вознесенской церкви, села Вознесенскаго (Болково), Землянскаго уѣзда, Иванъ *Пересвѣтовъ*—въ Введенской церкви, села Верхней Хавы, Воронежскаго уѣзда, 31 Марта.

Псаломщикъ Успенской церкви, села Басторнаго, Землянскаго уѣзда, Иванъ *Курбатовъ*—въ сей же Успенской церкви, села Басторнаго, 6 Апрѣля.

В) На Псаломщицкія:

Псаломщикъ Митрофановской Владбищной церкви гор. Бирюка, Петръ *Головинъ*, по прошенію, перемѣщенъ въ Спасенской приходной гор. Воронежа церкви, 3 Апрѣля.

М. д. псаломщика Повровской церкви, села Липовки, Бобровскаго уѣзда, Петръ *Соколовъ* утвержденъ въ должности псаломщика 6 Апрѣля.

По преклонности лѣтъ уволенъ за штатъ псаломщикъ

Успенской церкви, села Губарей, Новохоперскаго уѣзда, Антонъ *Андреевъ*, 29 Марта.

За смертію исключаются изъ списковъ:

Священникъ Николаевской церкви, села Турова, Нижне-дѣвицкаго уѣзда, Іоаннъ *Долгополовъ*, съ 3 Апрѣля.

Псаломщикъ, въ санѣ діакона, Покровской церкви, села Дмитрияшевки, Землянскаго уѣзда, Николай *Аскоченскій*, съ 8 Апрѣля.

По распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Анастасія, на 10 Іюня сего года назначается съѣздъ о.о. депутатовъ отъ духовенства Воронежской епархіи.

Награды.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Редакторъ, Секретарь Консисторія *А. Правдинъ*.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

1 МАЯ.

№ 9

1902 ГОДА.

С Л О В О,

произнесенное Преосвященнѣйшимъ Анастасіемъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, 4 Апрѣля 1902 г. предъ панихидою по Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Дмитріѣ Сергѣевичѣ Сипягинѣ ¹⁾.

Сегодня у насъ четвертое Апрѣля; но, помните ли вы, возлюбленные о Господѣ братіе, что въ этотъ день случилось назадъ тому тридцать шесть лѣтъ? Въ этотъ день, въ 1866 году, было первое злодѣйское покушеніе на драгоцѣн-

¹⁾ Воспроизведено однимъ изъ слушателей, св. Г. А.

вую жизнь Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича. Небывалое и веслыханное дотолѣ преступленіе! На протяженіи тысячелѣтней исторіи Русскаго Царства на престолѣ его были разные цари: были добрые—благодѣтели и печальники своего народа, стяжавшіе всеобщую любовь и безсмертную по себѣ память, но были и съ другими качествами. Однако никто изъ подданныхъ русскаго царства не дерзалъ открыто поднять руку на священную особу своего Государя. Отличительной чертой нашихъ предковъ въ отношеніи къ царямъ были преданность и вѣрность имъ при всѣхъ невзгодахъ житейскихъ. Они носили въ сердцахъ своемъ страхъ Божій и всегда помнили, что царь есть особый избранныкъ Божій и что, потому, *касающійся царя касается зѣницы ока Господня* (Зах. 2, 8). Но, вотъ вольномысліе и вольнодумство въ наши времена начинаетъ колебать въ нетвердыхъ умахъ прежнюю преданность и вѣрность царямъ. Исчадіемъ такого направленія явился злодѣй Баранозовъ, дерзнувшій 4 Апрѣля 1866 года поднять святотатственную руку на Государя Императора въ то время, когда послѣдній мирно и спокойно гулялъ въ лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ. Но Милосердый Господь не допустилъ тогда совершиться ужасному и изорному злодѣянію. Случившійся здѣсь крестьянинъ Іосифъ Ивановичъ Комисаровъ во-время удержалъ руку злодѣя и спасъ Государя отъ угрожавшей ему опасности. Думалось, что величайшая милость Божія, явленная на сей разъ Россіи, вразумить заблудшихъ и положить конецъ подобнымъ покушеніямъ. Но, къ глубокому сожалѣнію, послѣдствія не оправдали такихъ чаяній. Покушенія на жизнь обожаемаго Монарха со стороны анархистовъ и безбожниковъ продолжались, пока, наконецъ, завершились страшнымъ злодѣяніемъ 1 Марта 1881 года, къ ужасу всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Среди бѣлаго дня, въ

своей сѣверной столицѣ, налъ отъ руки злодѣя Царь—благодѣтель народа,—Царь, о которомъ даже недруги наши, при всей своей перасиложенности къ Россіи, говорили, что ни одинъ изъ монарховъ не сдѣлалъ для своего народа столько добра, какъ незабвенный Александръ II. Это ужасное и неслыханное злодѣяніе неизгладимымъ позоромъ заклеимило нашу землю.—Послѣ смерти Александра II на престолѣ вступаетъ сынъ его Александръ III, достойнѣйшій и избраннѣйшій изъ избранниковъ Божіихъ. Онъ вѣрною и твердою рукою править царствомъ, обративъ все вниманіе на внутреннее его благоустройство. Въ его дни безначаліе и безбжеіе не смѣли заявлять о себѣ, и мы (во все время его тринадцатилѣтняго царствованія) наслаждались миромъ и спокойствіемъ. Но, когда Господу угодно было отозвать къ себѣ мудраго и возлюбленнаго нашего Монарха и когда на престолѣ вступилъ достойный сынъ его, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, который править царствомъ, слѣдуя завѣтамъ своего незабвеннаго родителя; то, по особому поущенію Божію, столбавя гидра безначалія снова оживаетъ и начинаетъ заявлять о себѣ съ большею смѣлостію и дерзостію.—Въ нашихъ либеральныхъ газетахъ открыто высказываются антиправительственные и антирелигіозные взгляды, при посредствѣ заграничныхъ печатныхъ ставокъ и нашихъ гектографовъ во множествѣ печатаются въ средѣ едва научившагося читать простого народа, такъ называемыя, подпольныя изданія возмутительнаго содержанія; наша учащаяся молодежь—эта надежда Россіи, подстрекаемая и руководимая мнимыми друзьями человечества, безумствуетъ и производитъ беспорядки и волненія, какъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и на улицахъ и площадяхъ градскихъ; многіе, въ погонѣ за просвѣщеніемъ, съ особенною жадностію набрасываются на чтеніе извѣстныхъ ядовитыхъ произведеній графа Льва Тол-

стого и его компаніи. Не довольствуясь этимъ, враги отечества дѣлають покушенія открыто на жизнь ближайшихъ вѣрныхъ слугъ царевыхъ. Въ прошломъ году мы оплакивали преждевременную кончину Министра Народнаго Просвѣщенія Николая Павловича Боголѣпова, павшаго отъ руки злодѣи 2 Марта; немного спустя, съ ужасомъ услышали о покушеніи на жизнь Е. П. Побѣдовосцева—Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода; въ настоящее время сообщается намъ о новомъ ужасномъ злодѣяніи. Вотъ что говорится въ телеграммѣ, вчера полученной изъ Петербурга:

„2 Апрѣля, около часу дня, при входѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ помѣщеніе Комитета Министровъ въ Маріинскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской комнатѣ неизвѣстный челоувѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причемъ двумя пулями тяжело ранилъ егермейстера Сипягина. Раненому, по перенесеніи его въ Максимилиановскую лечебницу, была немедленно подана медицинская помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ; но, не смотря на это, егермейстеръ Сипягинъ черезъ часъ скончался. Слѣдствіе производится и установлено, что задержанный преступникъ, не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру“.

Вотъ новая страшная вѣсть, которою потрясенъ прежде всего нашъ Благочестивѣйшій Государь, лишившійся вѣрнаго слуги въ лицѣ Дмитрія Сергѣевича Сипягина, и которая не можетъ не поразить каждаго вѣрнаго сына отечества! Не очевидно ли для всѣхъ благомыслящихъ, что стоголовая гидра безначалія рѣшилась уничтожить и обогрять кровью

все, что есть лучшаго въ Россіи, что стоитъ на пути анархизму въ его адскихъ замыслахъ?... Что же намъ дѣлать въ виду такихъ страшныхъ событій? Неужели ограничимся только тѣмъ, что поскорбимъ и помолимся въ этомъ святомъ храмѣ о упокоеніи души почившаго раба Божія боярина Дмитрія? Нѣтъ, возлюбленные о Господѣ братья и дорогіе соотечественники! Этого не достаточно. Не пора ли намъ, оставивъ равнодушіе и разъединеніе, серьезно подумать о мѣрахъ къ противодѣйствию злу, которое грозитъ опасностью разложенія Россіи? Не слѣдуетъ ли намъ, какъ чадамъ Церкви Христовой, сплотиться всѣмъ воедино и, подъ ея священнымъ знаменемъ, дѣйствовать въ духѣ вѣрованій и установленій Церкви? Вспомнимъ первые дни христіанства, когда *народу впровавшему бѣ сердце и душа едина*. (Дѣян. 4. 32), и возбудимъ въ себѣ желаніе слушать и исполнять уроки, которые преподаетъ намъ ежедневно Церковь. Вотъ въ настоящіе дни совершаются въ храмахъ продолжительныя богослуженія; Святая Церковь назидаетъ вѣрныхъ чадъ чтеніями изъ Священнаго Писанія. Сколько въ нихъ спасительныхъ уроковъ для нашей личной, семейной и общественной жизни! Обратите вниманіе хотя на послѣднее паримійное чтеніе на только что окончившемся вечернемъ богослуженіи. Въ немъ, между прочимъ, Премудрый даетъ такое наставленіе: *«слушай, сыне, и премудръ бывай, и исправляй мысли твоего сердца»* (Прит. 23. 19).

Что онъ этимъ внушаетъ намъ? Внушаетъ слушаться наставленій Божественной Премудрости и съ ними сообразовать движенія своего сердца. Почему же именно «сердца»? Потому что отъ сердца, испорченнаго и грѣхлюбиваго, *«исходятъ помысленія злая: убійства, прелюбодѣлнія, любодѣлнія, татбы, лжесвидѣтельства»* и всякое другое зло. И пока сердце наше не чисто, оно не можетъ родить изъ

себя ни чистыхъ мыслей, ни добрыхъ намѣреній. Но, какъ оно можетъ быть чистымъ, если питается подпольными изданіями и произведеніями графа Л. Толстого и его единомышленниковъ?—Чтобы не увлекали насъ въ свои сѣти—враги нашего отечества, мы должны исправлять мысли нашего нечистаго сердца уроками Божественной Премудрости, заключенными въ словѣ Божіемъ. Самый вѣрный и лучшій залогъ нашего общаго спокойствія,—это утвержденіе въ умахъ и сердцахъ нашихъ чистыхъ, святыхъ, христіанскихъ началъ по ученію Православной Церкви. Она истинная Мать наша,—руководимая Духомъ Божіимъ, научаетъ насъ быть вѣрными и преданными вѣрѣ, царю и отечеству.

Будемъ же всегда внимательны не къ подпольнымъ изданіямъ неприванныхъ учителей, которые развращаютъ наше сердце, но къ святымъ наставленіямъ Церкви Божіей; будемъ съ этими наставленіями сообразовать нашу жизнь и дѣятельность, если искренно желаемъ, чтобы не повторялись у насъ кровавыя событія, подобныя настоящему, собравшему насъ въ этотъ святой храмъ.

А теперь помолимся объ упокоеніи души вѣрнаго слуги царскаго Дмитрія Сергѣевича Сипягина,—да вселитъ ее Господь въ селенія праведныхъ! Аминь.

Памяти Преосвященнѣйшаго Іосифа, Епископа Михайловскаго.

26 Марта, въ 4 часа пополудни, скончался на 67 году жизни, послѣ трехмѣсячнаго лѣченія въ Петербургѣ, одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, Преосвященнѣйшій Іосифъ, Епископъ Михайловскій, викарій Рязанской епархіи. Преосвященнѣйшій Іосифъ, въ мірѣ Никодимъ Андреевичъ Соколовъ, сынъ священника Алексинскаго уѣзда

Тульской епархіи. Послѣ начальнаго домашняго ученія обучался въ Тульскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ Тульской духовной семинаріи, курсъ которой съ званіемъ студента окончилъ въ 1858 году. А чрезъ годъ, послѣ отдыха и поправленія своего слабаго здоровья, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную Академію, курсъ которой со степенью кандидата окончилъ въ 1863 году, одновременно съ вынѣшнимъ директоромъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ т. с. П. И. Остроумовымъ. Въ Январѣ 1864 года онъ назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка и гражданской исторіи всеобщей и русской въ Волынскую духовную семинарію, гдѣ однако оставался недолго. Въ Іюлѣ 1866 года, согласно прошенію, онъ былъ опредѣленъ штатнымъ учителемъ русскаго языка и русской словесности, а также исторіи и географіи Россіи и Польши въ Радомскую женскую гимназію. Это послѣднее назначеніе состоялось въ то время, когда по требованію главнаго директора народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ были вызываемы на службу сюда и другіе лучшіе воспитанники духовныхъ академій въ интересахъ наилучшаго укрѣпленія русскаго дѣла въ только что замиренномъ послѣ польскаго мятежа краѣ. Это было время, когда ѣхали сюда интеллигентныя русскія силы съ цѣлію послужить своему отечеству въ тяжелыя минуты его испытаній: требовался отъ нихъ усиленный подъемъ русскаго патриотическаго чувства и ясное сознаніе высокой культурной цѣли православной Россіи на польско-католической окраинѣ. Въ свою очередь и пребываніе на службѣ въ этомъ краѣ настойчиво проявляло самимъ русскимъ людямъ ихъ православно-русскія задачи и призваніе, возвышало, слѣд., идеальное ихъ настроеніе и готовило изъ нихъ убѣжденныхъ борцовъ за святое русское наслѣдіе, готовыхъ защищать его и отъ чужихъ его враговъ и отъ своихъ собственныхъ равнодушныхъ

оппортунистовъ. Къ числу такихъ убѣжденныхъ радѣтелей православно-русскаго дѣла на нашихъ окраинахъ того времени принадлежалъ и почившій святитель Іосифъ, еще въ качествѣ мірянина изъяснившій готовность служить въ учебномъ вѣдомствѣ въ Царствѣ Польскомъ и вести всѣ тяготы службы въ усмиренномъ, но неспокойномъ еще краѣ. Кромѣ того, какъ питомца духовной школы, его привлекала сюда не свѣтская карьера, которой легко было достигнуть и ему. Согласно прошенію, онъ въ Іюль 1867 г., послѣ непродолжительной службы въ Радомѣ, былъ назначенъ законоучителемъ Сувалскихъ гимназій—мужской и женской, а также блюстителемъ и законоучителемъ начальнаго православнаго въ г. Сувалкахъ училища, съ посвященіемъ въ санъ священника. А въ Августѣ 1872 году, онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ новопостроенной Кирилло-Меодіевской церкви въ Ченстоховѣ, вмѣстѣ и законоучителемъ Ченстоховской мужской прогимназіи, блюстителемъ и законоучителемъ Ченстоховскаго начальнаго православнаго училища. Но вслѣдствіе собственнаго желанія перемѣститься на службу въ Вильну по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, (можетъ быть подъ вліяніемъ испытаннаго здѣсь горя—утраты жены), онъ въ Январѣ 1878 года былъ опредѣленъ законоучителемъ Виленскихъ мужскихъ гимназій и учительскаго института и настоятелемъ Кирилло-Меодіевской церкви среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеній Вильны. А черезъ семь лѣтъ, въ 1885 году, опредѣленіемъ Св. Синода назначенъ ректоромъ Литовской духовной семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита по постриженіи въ монашество. И съ 11 Августа 1885 г. архим. Іосифъ, настоятель Виленскаго Троицкаго монастыря, стоитъ во главѣ управленія семинаріей до 17 Ноября 1891 года, когда, по всеподданнѣйшему докладу Св. Синода, ему Высочайше было повелѣно быть епископомъ брестскимъ, вторымъ викаріемъ литовской епархіи

у приснопамятнаго архієпископа Алексія (Лаврова), любовію и расположеніемъ котораго—кстати—былъ взыскавъ почившій теперь владыка Іосифъ. Въ Маѣ 1897 года Преосвящен. Іосифъ былъ перемѣненъ въ Викарія Воронежской епархіи и настоятеля Алексѣевского монастыря, а въ Январѣ 1900 года Высочайше повелѣно ему быть Епископомъ Михайловскимъ, викаріемъ Рязанской епархіи, гдѣ состоялъ и настоятелемъ Рязанскаго Спасскаго монастыря.

Вотъ краткія біографическія данныя о почившемъ Святителѣ Іосифѣ. Оставалось бы прибавить, что кромѣ исполненія своихъ оффиціальныхъ служебныхъ обязанностей почившій святитель отдавалъ свой досугъ и на другія дѣла, вытекающія изъ сознанія имъ своего пастырско-христіанскаго долга. Будучи напр. законоучителемъ въ Сувалкахъ, онъ преподавалъ Законъ Божій въ мѣстныхъ воинскихъ школахъ, то же дѣлалъ и въ бытность свою на службѣ въ Ченстоховѣ; а будучи въ санѣ Епископа, онъ состоялъ напр. въ Воронежѣ предсѣдателемъ Воронежскаго братства Св. Воронежскихъ Святителей Митрофана и Тихона, комитета Воронежскаго православнаго миссіонерскаго общества, и Воронежскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, и товарищемъ предсѣдателя Воронежскаго отдѣла православнаго палестинскаго общества, и пр. А за свои ревностныя труды по исполненію возлагавшихся и добровольно принимаемыхъ имъ на себя обязанностей онъ удостоиваемъ былъ Высочайшихъ наградъ, церковныхъ отличій и знаковъ вниманія со стороны учреждений, которымъ онъ отдавалъ свой трудъ, матеріальныя вспомошествованія и пр. Онъ, напр., былъ призванъ въ званіи сотрудника церковно-археологическаго общества при Киевской духовной академіи, состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго общества любителей дух. просвѣщенія, холмскаго православнаго Богородицкаго братства, членомъ общества возстановленія пра-

вославія на Кавказѣ, пожизненнымъ членомъ православнаго палестинскаго общества, почетнымъ членомъ братствъ су-прасльскаго, Слонимскаго и Полоцкаго, и пожизненнымъ членомъ Воронежскаго братства Св. Митрофана и Тихона и мн. др. въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Обремененный многими сложными служебными обязанностями, почившій Святитель Іосифъ оставилъ послѣ себя нѣсколь-ко историко-статистическихъ и археологическихъ трудовъ, изъ коихъ въ порядкѣ хронологическомъ ихъ изданія назовемъ слѣ-дующіе: 1) Ченстоховская икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ (1881 г.), 2) Островоротная или Остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ, историческое изслѣдованіе (два изд., 1-е изд. 1883 г., а 2-е изд. 1890 г.), 3) Виленскій православный некрополь (Вильна 1892 г.), 4) Гродненскій православно-церковный календарь или православіе въ Брестско-Гродненской землѣ въ концѣ XIX в., въ 2-хъ томахъ (два изд., 2-е изданіе 1899 г. въ Воронежѣ, значительно допол-ненное историческими статьями о мѣстныхъ святыняхъ, по-выми и личными наблюденіями—съ 10 фототипическими видами). Сюда (во 2-й томъ) вошли и отдѣльно напечатан-ныя изслѣдованія преосв. Іосифа: 1) Коложская въ г. Гроднѣ церковь, съ бывшимъ при ней Борисо-Глѣбскимъ монасты-ремъ, 2) Св. преподобно-мученикъ Аванасій, игумень брест-скій, 3) Св. мученикъ Гавріилъ заблудовско-слуцкій урожде-нецъ Звѣрковскій и др. статьи.

Воскрешая въ своихъ историко-археологическихъ изы-сканіяхъ мѣстную старину, почившій святитель немало по-трудился и надъ созданіемъ вещественныхъ памятниковъ своей пастырской попечительности. Въ бытность свою виба-ріемъ въ Гроднѣ онъ воздвигъ изъ тьмы забвенія и со-хранилъ отъ полнаго разрушенія мѣстную историческую свя-тыню—Коложскую церковь, а въ Воронежѣ устроилъ въ

колокольнѣ Алексѣвскаго монастыря храмъ во имя преп. Сергія, въ рязанскомъ же Спасскомъ монастырѣ почти привелъ къ концу постройку домово́й церкви съ больницею для братіи и школо́й при помѣщеніи викарнаго архіерея. Но, къ сожалѣнію, съ передвиженіемъ почившаго на другія мѣста службы, начатыя имъ реставраціи и новыя постройки не доведены еще и теперь до конца. Во всякомъ случаѣ начатое имъ святое дѣло храмоздательства, по всей вѣроятности, не замедлитъ найти столь же ревностныхъ продолжателей. Дѣй Богъ!

Вообще съ кончиною Преосв. Іосифа сошелъ съ земного поприща архипастырь неутомимый въ своей дѣятельности, точно-исполнительный, какъ въ служебныхъ дѣлахъ, такъ и въ частныхъ отношеніяхъ, вѣрный своему долгу безъ излишнихъ уступокъ житейскимъ компромиссамъ, но въ то же время необыкновенно скромный въ своей частной жизни, въ высшей степени привѣтливый и благодушный. Оттого его такъ любили люди, знавшіе его близко или нуждавшіеся въ его христіанско-пастырской помощи, которую онъ съ любовію оказывалъ всѣмъ въ ней нуждавшимся. Да будетъ же ему наградою за любовь и неизмѣнную вѣрность своему долгу благодарная память среди живыхъ сыновъ церкви и вѣчное блаженство въ царствѣ вѣчно-блаженныхъ духовъ! Вѣчная ему память!

(Церк. Вѣстн. № 14).

Кончина и погребеніе Преосвященнаго Іосифа.

Кончина Преосвященнаго Іосифа послѣдовала въ квартирѣ его зятя проф. П. Н. Жуковича. Вскорѣ послѣ кончины его прибыло лаврское духовенство во главѣ съ о. благочиннымъ архимандритомъ Софроніемъ, которымъ и было совершено омовеніе тѣла почившаго освященнымъ елеемъ; затѣмъ по при-

бытія Преосвященнаго Иннокетія, Епископа Нарвскаго, почившій владыка былъ облаченъ во всѣ святительскія одежды при пѣвнѣ монашеской братіи: «Да возрадуется душа твоя о Господѣ», была затѣмъ совершена архіерейскимъ служеніемъ первая панихида по усопшемъ, и положено начало чтенію Св. Евангелія, не прекращавшемуся до самаго погребенія. Въ среду утромъ была совершена панихида учащими въ духовной академіи уроженцами тѣхъ епархій, гдѣ служилъ Преосвященный. Въ 12 часовъ дня Преосвященнымъ Иннокентіемъ, послѣ панихиды, тѣло владыки было положено во гробъ, а въ 5 часовъ состоялся выносъ его въ Исидоровскую церковь Александро-Невской лавры. Въ торжественномъ крестномъ ходѣ принимало участіе многочисленное столичное духовенство, во главѣ съ Преосвященнымъ Сергіемъ, ректоромъ духовной Академіи, при умиленномъ пѣвнѣ Исаакіевскимъ хоромъ прѣосовъ «Помощникъ и покровитель». Въ церкви тѣло было встрѣчено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Автономъ, который и совершилъ торжественную панихиду, въ сослуженіи преосвященнаго Сергія и многочисленнаго столичнаго духовенства. Такая же панихида была совершена Преосвященнымъ Иннокентіемъ въ четвергъ, послѣ литургіи прѣдсвятенныхъ даровъ, которую совершалъ бывший ректоръ Рязанской семинаріи, нынѣ архимандритъ Іоаннъ, а вечеромъ наканунѣ отпѣванія было совершено торжественное всенощное бдѣвіе (парастасъ) по почившемъ, причемъ «мертвенный канонъ» читалъ Преосв. Иннокентій на срединѣ храма. Въ самый день погребенія заупокойную литургію совершалъ владыка митрополитъ, при пѣвнѣ митрополичьяго хора; на погребеніе вышли вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ четыре архіерея: Тихонъ, архіепископъ Иркутскій и Верхотурскій, Тихонъ, епископъ Полоцкій и Витебскій, Сергій, епископъ Ямбургскій, ректоръ духовной академіи, и

Константинъ, епископъ Гдовскій, восемь архимандритовъ, лаврскіе іеромонахи и представитель Рязанскаго духовенства, прибывшій на погребеніе, ключарь кафедральнаго собора о. М. И. Лебедевъ. Въ Исидоровской церкви, рядомъ съ недавно умершимъ епископомъ Борисомъ, членомъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, бывшимъ ректоромъ С.-ПБ. дух. академіи,—на солеѣ, противъ сѣверныхъ вратъ алтаря было опущено въ склепъ тѣло почившаго преосвященнаго епископа Іосифа. Любитель церковности, онъ и мѣсто вѣчнаго упокоенія нашель въ церкви, гдѣ совершается ежедневное богослуженіе, на клиросѣ, вблизи къ алтарю Господню.

(То же Церк. Вѣстн. № 14).

НАЗРѢВШЕЕ ДѢЛО.

(По поводу богословскихъ чтеній).

I.

Въ русскомъ обществѣ за послѣднее время замѣчается довольно сильное пробужденіе интереса къ религіознымъ вопросамъ. Тотъ индифферентизмъ, съ какимъ «образованные» русскіе люди относились къ вопросамъ вѣры, теперь начинаетъ ослабѣвать, уступая передъ живымъ исканіемъ Бога. Это явленіе отмѣчено не только духовной печатью, но и свѣтскими изданіями, а въ самое послѣднее время оно нашло своего лѣтописца въ лицѣ П. Д. Боборыкина, который въ романѣ «Исповѣдники» довольно вѣрно, съ внѣшней стороны, нарисовалъ цѣлую галерею искателей вѣры изъ разныхъ классовъ общества. Нельзя также не отмѣтить того интереса, съ какимъ читающее общество стало относиться къ сочиненіямъ публицистовъ съ религіознымъ направленіемъ, напр.:

Неплюева, Розанова, Мережковского, не говори уже о надѣлавшемъ столько шума Стаховичѣ. Вопросы, возбужденные этими и другими публицистами, такъ жизненны, что сами собою натолкнули нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ духовныхъ лицъ и писателей на мысль объ организаціи особаго религіозно-философскаго общества, для свободнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ религіозно-метафизическимъ. Благосклонно принятая Митрополитомъ Антоніемъ, эта мысль осуществилась къ концу 1901 г., и въ настоящее время молодое общество является однимъ изъ самыхъ оживленныхъ учрежденій, привлекая на свои засѣданія людей разныхъ направленій и отвѣчая такъ или иначе на самые животрепещущіе вопросы религіознаго сознанія. Правда, осторожные люди еще съ опасеніемъ присматриваются къ этому обществу, равно какъ и ко всему современному религіозному броженію, вида въ немъ много сектантскаго, самовольнаго, предъявляющаго къ вѣличной церковной дѣйствительности самыя высокія требованія и во имя этихъ требованій осуждающаго эту дѣйствительность. И, конечно, нельзя не согласиться, что не только въ этомъ обществѣ, но и вообще въ нынѣшнемъ движеніи много антицерковнаго, какъ много и туманнаго, неопредѣлившагося, вакихъ-то еще неясныхъ порывовъ къ «невѣдомому Богу». Такіе порывы часто выражаются въ уродливыхъ формахъ и еще болѣе отталкиваютъ отъ себя многихъ сторонниковъ православно-церковнаго религіознаго сознанія. Но какъ бы ни было несовершенно это броженіе, все же оно несравненно болѣе вызываетъ надежды и ожиданій, чѣмъ холодное равнодушіе. Пусть въ немъ много сектантскихъ элементовъ, но хорошо уже то, что спавшіе проснулись, хорошо то, что теперь уже не въ модѣ совершенное отрицаніе вѣры. Сдѣлать остальное, т. е. привести этихъ мятущихся людей къ положительному христіанскому сознанію—во власти Божіей.

Но и служители церкви теперь не имѣютъ права говорить, что они безсильны въ борьбѣ съ невѣріемъ образованныхъ классовъ. Если сами свѣтскіе образованные люди возбуждаютъ вопросы религіозные, то уклоняться отъ отвѣтовъ на нихъ было бы стыдно духовнымъ лицамъ. А въ такомъ случаѣ должно начаться общеніе между интеллигенціей и представителями богословской мысли. Пусть это общеніе будетъ шероховато, но опять таки оно лучше, чѣмъ полный разрывъ, чѣмъ та китайская стѣна, которая до сихъ поръ лежала между этими двумя группами.

II.

Недавно скончавшійся Харьковскій архіепископъ Амвросій въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, остановившись на враждебныхъ отношеніяхъ интеллигенціи къ церкви, призналъ самую полезную практическую борьбу съ этимъ печальнымъ явленіемъ. По мысли покойнаго архіепископа, образованные люди, преданные Церкви, своею жизнью должны показать, что они находятся въ единеніи съ Церковью. Это лучше всякой полемики покажетъ враждебно настроенной къ Церкви интеллигенціи, что церковное ученіе есть не мертвая буква, а ученіе жизни. Для облегченія такой практической борьбы владыка совѣтовалъ ревнителямъ православія организоваться въ кружки, которые, занимаясь вопросами вѣры, поддерживали бы въ своихъ членахъ энергію въ предпринятомъ ими дѣлѣ. Жизнь сама постоянно наталкиваетъ на мысль о необходимости такихъ кружковъ. У насъ не только міряне съ духовенствомъ, но и сами священники, даже въ городахъ, мало вникаютъ въ нужды другъ друга. А между тѣмъ одна борьба съ городской безнравственностью и съ какимъ то роковымъ пониженіемъ религіозности среди городского населенія, сравнительно съ сельскимъ, должна бы заставить городскихъ свя-

щенниковъ собираться вмѣстѣ для обсужденія средствъ и самой программы борьбы съ этими ненормальностями ¹⁾. Не говоримъ уже о томъ, что такія собранія были бы лучшимъ средствомъ подновленія и освѣженія тѣхъ богословско-философскихъ знаній, какія когда-то приобрѣтались въ школѣ. Если приходскіе священники явились бы на эти собранія съ впечатлѣніями живой и непосредственной дѣятельности, то законоучители и наставники духовно-учебныхъ заведеній дѣлились бы съ ними новостями богословско-философской литературы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что на собранія пошли бы и міряне, изъ среды которыхъ всегда выдѣляются люди съ основательной начитанностью въ церковной литературѣ. Такимъ образомъ могло бы организоваться религиозное общество и съ практическими и съ теоретическими задачами.

Но... пока все это только мечты. Ячейка для такого общества возникла не тамъ, гдѣ ее всего естественнѣе было ожидать. Маленькое общество съ одними, правда, теоретическими запросами возникло не изъ взаимодѣйствія приходскихъ священниковъ и духовной школы, а изъ запросовъ свѣтскихъ лицъ, привлечшихъ къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ священниковъ. Не называя именъ, скажу, что члены этого кружка—люди разныхъ профессій и образовательныхъ цензозовъ: тамъ и купецъ, и юристъ, и военный, и священникъ, и педагогъ. Этотъ кружокъ, занимающійся обсужденіемъ разныхъ религиозныхъ темъ, не разъ высказывалъ желаніе, чтобы дѣло было поставлено шире, чтобы вопросы вѣры обсуждались научно, а для этого признавалъ полезнымъ организацію научно-популярныхъ богословскихъ чтеній. Религиозныя чтенія,

¹⁾ См. «Интересы и нужды епархіальной жизни» Воронежъ. 1902 г.), стр. 70—77.

ежегодно устрояемыя Братствомъ свв. Митрофана и Тихона, не могли удовлетворить этахъ, равно какъ и многихъ другихъ, лицъ, такъ какъ эти чтенія рассчитаны на простонародныхъ слушателей. Отвѣчая на этотъ законный запросъ, кружокъ преподавателей духовной семинаріи рѣшилъ произвести опытъ съ научно-популярными богословскими чтеніями.

III.

Для перваго раза рѣшено было устроить чтенія въ воскресные дни великаго поста. Въ чтеніяхъ приняли участіе семь лицъ, предложившихъ слѣдующія темы, какъ наиболѣе интересныя для свѣтской публики: 1) «Вѣра и знаніе, религія и наука», прот. В. П. Борисоглѣбскій; 2) «Нравственность и религія», С. А. Алферовъ; 3) «Значеніе вѣры въ личное безсмертіе для нравственной жизни», П. В. Никольскій; 4) «Значеніе Церкви Христовой въ жизни христіанина», В. Б. Недѣльскій; 5) «Вл. С. Соловьевъ, какъ религіозный мыслитель», П. Н. Щувинъ; 6) «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Идеаль нравственной жизни», С. Н. Милютинъ, и 7) «Христосъ на Голгоѣѣ и Воскресшій», іером. Михаилъ (последнія два чтенія—въ теченіе одного вечера).

Въ перерывахъ между отдѣлами чтеній хоръ слѣпыхъ исполнялъ духовныя пѣснопѣнія. Это участіе хора, равно какъ и расходы по публикаціямъ о чтеніяхъ, выдвинули вопросъ объ источникахъ средствъ на устройство чтеній. И хотя по идеѣ чтенія должны быть бесплатными и въ денежныхъ сборахъ никто не былъ заинтересованъ, но вышеуказанные расходы заставили назначить маленькую плату за входъ на чтенія (отъ 20 до 50 коп.); исключеніе было сдѣлано для учащихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которымъ выдавались бесплатные билеты. Помѣщеніе для чтеній было

любезно предложено (безплатно) городскимъ управленіемъ въ залъ городской думы.

На всѣ 6 чтеній продано 1050 билетовъ и выдано безплатныхъ 790. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходится около 300 слушателей. Эта довольно значительная аудиторія въ теченіе первыхъ чтеній была весьма разнохарактерна, насчитывая въ своемъ составѣ не мало лицъ съ низшимъ образовательнымъ цензомъ. Но научный характеръ чтеній привелъ къ тому, что слѣдующія чтенія уже не привлекали простонародья и, напротивъ, увеличили притокъ интеллигенціи. Какъ лицу, принимавшему участіе въ чтеніяхъ, мнѣ неудобно останавливаться на ихъ характеристикахъ. Но какъ наблюдателю, присматривавшемуся къ аудиторіи въ теченіе 6 вечеровъ, позволительно высказать нѣкоторыя соображенія о томъ, каковы должны быть эти чтенія, чтобы ими интересовались слушатели и чтобы ихъ посѣщало многочисленное общество.

IV.

На устройство всякихъ вообще чтеній, въ томъ числѣ и религиозныхъ, существуютъ три точки зрѣнія: чтенія или служатъ здоровымъ развлеченіемъ, или отвѣчаютъ запросамъ религіознаго чувства, или преслѣдуютъ научныя цѣли. Изъ этихъ точекъ зрѣнія мы пока оставимъ въ сторонѣ третью, такъ какъ она можетъ быть удѣломъ меньшинства. Аудиторія въ 300 слушателей, собирающаяся разъ въ недѣлю, и именно въ день отдыха, въ преобладающемъ большинствѣ не можетъ руководиться чисто научными цѣлями. Она ждетъ отъ чтеній или хорошаго, здороваго развлеченія, или отвѣта на тѣ вопросы и сомнѣнія, которые неизбежны для каждаго живого человѣка, но отвѣта живого и не утомляющаго вниманія. Законны ли эти требованія? Устроители упомянутыхъ чтеній

признали ихъ законными и потому пригласили на нихъ лучший Воронежскій хоръ. И нужно сознаться, что въ числѣ посѣтителей были и такіе, которыхъ этотъ хоръ интересовалъ даже больше, чѣмъ самыя чтенія. Сожалѣть ли объ этомъ? Нѣтъ, это было бы слишкомъ ригористично, но не вполнѣ справедливо. Проповѣдники религіи подмѣчали эту черту своихъ слушателей и не пренебрегали, а пользовались ею въ своихъ религіозныхъ видахъ. Въ періодъ Судей, при общей распатанности вѣры и нравовъ, «соими учениковъ пророческихъ» привлекали толпу ко вниманію и заставляли ее слушать чтеніе «закона», прежде всего услаждая ее музыкой и пѣніемъ. И каждый искусный проповѣдникъ, заставляющій разнородную толпу слушать себя, въ той или иной формѣ пользуется этимъ же средствомъ: если онъ не играетъ на музыкальномъ инструментѣ, то захватываетъ толпу красивыми и выразительными модуляциями своего проповѣдничьяго голоса, или очаровываетъ его художественными картинками и искусными оборотами рѣчи. Напротивъ, рѣчь ровная, но вялая, и мысль логически стройная, но отвлеченная, — пропадаютъ для толпы. Слѣдовательно, если мы имѣемъ предъ собою большую аудиторію, то должны считаться и съ ея настроеніемъ и даже съ ея запросомъ развлеченія. Чтобы послѣдняя мысль не вазалась соблазнительною, я укажу на св. Василія Великаго. Кто читалъ его «Шестодневъ», тотъ помнитъ, что эти «бесѣды» вовсе не похожи на обычныя проповѣди. Нѣтъ, это именно такія богословскія чтенія, о которыхъ я только что говорилъ: въ нихъ мы встрѣчаемъ своего рода курсъ естественной исторіи, съ самыми небогословскими подробностями, съ живыми рассказами, съ яркими картинками. Самъ св. отецъ ясно сознавалъ этотъ характеръ своихъ «бесѣдъ» и не боялся указывать ихъ смыслъ своимъ слушателямъ. Сказавши о томъ, что его

рѣчь продолжается долго, онъ однако не находитъ въ этомъ вреда. «Если ты любитель наслажденій и удовольствій, вотъ тебѣ словеса Божіи, для человѣка здраваго духовнымъ чувствомъ, *слаждша паче меда и сота* (Псал. 18, 11). Если позволю вамъ итти и распущу собраніе; иные пойдутъ играть въ зернь. Тамъ клятвы, упорные споры и мученія корыстолюбія. Тамъ стоитъ демонъ, посредствомъ костей съ точками воспламеняетъ бѣшенство; одиѣ и тѣже деньги переводить и на ту, и на другую сторону, то одного возноситъ побѣдой, а другого погружаетъ въ уныніе, то наоборотъ, послѣдняго дѣлаетъ гордымъ, а перваго покрываетъ стыдомъ. А кто, хотя не играетъ въ зернь, однакоже время проводить въ праздности, тотъ чего не скажетъ пустого, какихъ не услышитъ нелѣпостей? Итакъ въ связанномъ мною найдется, можетъ быть, вѣчто и полезное; а если нѣтъ, то покрайней мѣрѣ та выгода, что, проводя время здѣсь, вы не грѣшите; а потому удерживать васъ долѣе значить на большее время отводить васъ отъ грѣховъ» (Бесѣда 8. Творенія (1900), ч. I, стр. 135—136). Такъ говоритъ св. отецъ, при другихъ обстоятельствахъ склонный къ самому отвлеченному богословствованію. Но въ данномъ случаѣ онъ хорошо понималъ свою аудиторію, входилъ въ ея настроеніе и умственный уровень, и умѣлъ дать слушателямъ удобоваримую и пріятную духовную пищу. И всегда богословіе для мірянина, не развившаго еще въ себѣ вкуса къ отвлеченной работѣ мысли, доступно въ популярной и по возможности образной формѣ. Кстати, замѣчаніе св. отца о томъ, что если слушатели уйдутъ отъ него, то попадутъ на развлеченіе другого рода,—это замѣчаніе особенно слѣдуетъ помнить. Первый опытъ съ богословскими чтеніями въ Воронежѣ обнаружилъ, что наибольшее количество посѣтителей насчитывали 1, 3 и 6 чтенія, т. е. въ недѣлю православія, крестоповлонную

и вербное воскресеніе, когда не было никакихъ иныхъ развлеченій, въ родѣ драмы, оперы и концертовъ. Здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься, и если мы хотимъ, чтобы это дѣло развивалось, то должны позаботиться о томъ, чтобы чтенія могли соперничать со всевозможными публичными вечерами не только пользою, но и здоровымъ удовольствіемъ. А для послѣдняго желательно и на будущее время обставлять чтенія вокальными и музыкальными піесами (хорошо бы поучиться нашимъ хормейстерамъ ввусу у г. Архангельскаго, дающаго концерты въ Петербургѣ). Прежде же всего необходимо, чтобы самыя чтенія, помимо интереса темы и программы, отличались конкретнымъ и по возможности картиннымъ изложеніемъ.

Намъ приходилось не разъ слышать отъ лицъ, горячо преданныхъ церкви, замѣчаніе, что богословское сочиненіе не должно спускаться съ высоты: оно можетъ опираться только на св. Писаніе и творенія свв. отцовъ, иная постановка дѣла, со ссылками на свѣтскихъ писателей, съ характеристикой современности, профанируетъ богословскую науку. Такой взглядъ намъ представляется ригористичнымъ и вреднымъ для дѣла. Его непригодность уже доказана печальнымъ опытомъ. Отчужденность отъ жизни, боязнь считаться съ «мірскою» литературой заставляли богослововъ витать въ отвлеченныхъ сферахъ и постепенно создали совершенно особый языкъ для богословской науки, отвлеченный, мало понятный для мірянъ. Отчасти этимъ, быть можетъ, объясняется какая то боязнь предъ богословской внигой, которую часто обнаруживаютъ свѣтскіе люди. Конечно, было бы легкомысленно богослову *доказывать* богословствіа положеніи ссылками не на св. Писаніе, а на какого-нибудь свѣтскаго писателя; но вполне законно выяснить доказанное богословское положеніе на художественномъ образѣ, взятомъ изъ свѣтскаго

сочиненія. Св. отцы въ этомъ отношеніи поступали вполне свободно, пользуясь всѣмъ, что находили полезнаго и въ современной имъ естественной наукѣ, и въ философіи, и въ изящной словесности. Однако этимъ они не роняли своихъ «бесѣдъ», а дѣлали ихъ не только интересными, но и пріятными. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять это во вниманіе въ настоящее время, когда имена свѣтскихъ писателей не сходятъ съ устъ полунтelligentной массы.

V.

До сихъ поръ рѣчь шла о двухъ первыхъ точкахъ зрѣнія на цѣли чтеній. Однако было бы грубой ошибкой пренебрегать третьей точкой зрѣнія, т. е. требованіемъ отъ чтеній научности. Правда, требованіе научности чтеній можетъ быть предъявлено незначительнымъ меньшинствомъ слушателей. Такъ, на нашъ взглядъ, изъ числа 300 посѣтителей каждаго чтенія научныя требованія могли предъявить не болѣе 50 лицъ. Однако запросы этого меньшинства законны едва ли не болѣе, чѣмъ преобладающаго большинства. Если большинство находитъ въ чтеніяхъ удовлетвореніе своему религіозному чувству, въ общемъ уравновѣшенному спокойной вѣрой, то меньшинство хочетъ посредствомъ чтеній разрѣшить нѣкоторые мучительные для нихъ вопросы вѣры или же найти солидное обоснованіе для положительной вѣры, чтобы потомъ не только дать отпоръ совопросникамъ, но и помочь другимъ, мятущимся умамъ. Кроимъ того, это меньшинство быстро могло бы увеличиться, еслибы чтенія всегда выдерживали научную постановку. Поэтому слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы популяризація чтеній не граничила съ ихъ азбучнымъ характеромъ, не переходила въ простонародность. Но какъ этого достигнуть? Какъ дать *одну* духовную пищу аудиторіи, въ которой сидятъ слушатели съ самыми разнородными умствен-

ными запросами? Въ отвѣтъ на это опять слѣдуетъ указать на новое Петербургское религіозно-философское общество. Его засѣданія—не публичныя, а закрытыя: на нихъ допускаются слушатели по рекомендаціи небольшого кружка дѣйствительныхъ членовъ. На засѣданіяхъ постановка дѣла научная и свободная: здѣсь не только читаютъ, но и обсуждаютъ разные богословскіе вопросы. И такъ какъ посѣтители съ высшимъ образовательнымъ цензомъ являлись съ солиднымъ «домашнимъ» образованіемъ, и такъ какъ они допускаются на собранія по рекомендаціи членовъ, то неприятныхъ осложненій отсюда быть не можетъ. Бесѣды носятъ академическій характеръ и не только способствуютъ живому обмѣну мнѣній, но и служатъ могучимъ средствомъ къ проведенію въ свѣтское общество научныхъ богословскихъ знаній. Вотъ объ устройствѣ подобнаго общества и слѣдуетъ подумать у насъ въ Воронежѣ. Конечно, у насъ нѣтъ такихъ силъ ни въ свѣтскомъ, ни въ духовномъ обществѣ, какъ въ столицѣ. Но вѣдь у насъ и вообще масштабъ жизни иной, чѣмъ въ Петербургѣ, и потому этого стѣсняться не нужно. Важно то, что у насъ подобное общество было бы не искусственнымъ дѣломъ, а вызывалось бы самою жизнью: ячейка для него уже есть въ томъ самомъ кружкѣ, о которомъ я упомянулъ выше. Да и въ какой-нибудь сложной вышней организаціи оно не нуждается, если состоитъ не изъ «дѣйствительныхъ членовъ», а изъ лицъ живо преданныхъ дѣлу сознательной вѣры. Эти лица, находя удовлетвореніе своимъ научнымъ запросамъ на закрытыхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы подѣлиться съ референтами своими соображеніями о томъ, въ какомъ объемѣ и въ какой формѣ можно было бы предложить рефератъ для открытаго богословскаго чтенія. Такимъ образомъ могла бы явиться вполнѣ естественно не только критика, но и взаимная цензура богословскихъ чтеній, кото-

рыя послѣ того предлагались бы для большой публики въ такой формѣ, которая совмѣстила бы два основныхъ требованія—научности и популярности.

VI.

Но пойдетъ ли на эти собранія та интеллигенція, которая разорвала живое общеніе съ церковью и относится къ богословской мысли въ церковномъ направленіи отрицательно? Эгооть вопросъ смущаетъ многихъ. Опытъ съ минувшими чтеніями подтверждалъ существованіе такого взгляда на дѣло со стороны лицъ преданныхъ церкви. «Удадутся ли чтенія»? «Пойдетъ ли на нихъ интеллигенція»? «Не сконфузимъ ли мы и себя и самый престижъ богословія, если наша аудитория будетъ пустовать»? Когда затѣмъ начались чтенія, то, предъ началомъ cadaго изъ нихъ намъ приходилось слышать со стороны многихъ лицъ боязливые вопросы: «продаются ли билеты»? и тревожныя справки: «почему такъ мало расклеено афишъ»? «почему нѣтъ объявленій въ мѣстныхъ газетахъ» (о первыхъ чтеніяхъ)? Понятенъ смыслъ этихъ вопросовъ: въ нихъ опять скрывается боязнь, какъ бы не провалилось дѣло. А устроители какъ—разъ оказались неопытными въ дѣлѣ рекламы и тѣмъ возбуждали справедливое неудовольствіе со стороны боязливыхъ.

Несмотря на это, аудитория оказывалась довольно многолюдною,—знакъ, что интересъ къ чтеніямъ есть въ нашемъ обществѣ. Но каковъ составъ этой аудитории? Раньше я упоминалъ объ ея умственномъ и образовательномъ уровнѣ, но не сказалъ, каково въ общемъ отношеніе аудитории къ церкви и богословію. Конечно, рѣшительно судить объ этомъ нельзя, но позволительно высказать личное мнѣніе: подавляющее большинство слушателей—церковнаго направленія. Значить, чтенія не удались, если привлекли не тѣхъ, кого

думалось привлечь ими? Далеко нѣтъ. Было бы дѣтски наивно думать, чтобы на эти первыя чтенія пошла та интеллигенція, которая враждебно относится къ церкви. «Дѣло вѣковъ измѣнять не легко». Разладъ между церковью и образованнымъ обществомъ образовался не въ минувшемъ году, отчужденіе общества отъ церкви создано цѣлымъ рядомъ преемственныхъ поколѣній, и потому сломить это отчужденіе можно только терпѣливою и спокойною продолжительной работой всѣхъ преданныхъ церкви лицъ. Поэтому насъ нисколько не удивляетъ даже то, что на чтенія являлись образованные не—христіане, а образованные «христіане» изъ интеллигенціи приходили въ незначительномъ количествѣ. Помимо застарѣлаго предубѣжденія противъ «поповской науки», многимъ не достаетъ даже своего рода гражданскаго мужества, чтобы явиться на богословскія чтенія. «Какъ посмотреть на меня тамъ сидящіе «церковники», а главное какими глазами я буду смотрѣть на «своихъ»? Воздержимся отъ осужденія. Защитники свободы совѣсти изъ интеллигенціи часто обнаруживаютъ такую заскорузлую нетерпимость, которая дѣлаетъ чловека изгнанникомъ изъ общества и выбиваетъ его изъ привычной колеи. Прошлогодній примѣръ съ г. Мережковскимъ, осмѣяннымъ и олеванымъ «либеральнымъ» обществомъ за то только, что осмѣлился согласиться съ церковнымъ мнѣніемъ (что Л. Толстой—не христіанинъ),—служитъ яркой иллюстраціей этого печальнаго явленія. У насъ вѣтъ Мережковскихъ, но «либеральное» общество держится и у насъ тѣхъ же «традицій» по отношенію къ своимъ «ренегатамъ». Опять съ этимъ явленіемъ нужно долго бороться посредствомъ спокойной работы надъ положительнымъ и научнымъ раскрытіемъ христіанскаго міросозерцанія. Если организаторы богословскихъ чтеній или богословскаго общества съумѣютъ поставить дѣло солидно и съ спокойной увѣренностью могутъ сказать

всякому, даже и враждебно настроенному, къ церкви: «приди и виждь», — они сдѣлаютъ свое дѣло, а прочее во власти Божіей.

Но еслибы на чтенія и совѣтъ не являлась интеллигенція, отрицающая «поповскую науку», — и тогда дѣло не было бы потеряно. Намъ кажется, что не правиленъ самый взглядъ на чтенія, какъ — прежде всего — на средство какой то миссіонерской борьбы съ невѣрующей интеллигенціей. Задачи богословскихъ чтеній, равно какъ и могущаго изъ нихъ возникнуть богословскаго общества, — прежде всего положительныя, а не полемическія. Они устроятся прежде всего для сторонниковъ церковнаго вѣросознанія, и это нужно помнить. Но есть ли нужда въ этомъ, если на чтенія будутъ являться только «свои»? Есть и очень большая. Покойный архіепископъ Амвросій, совѣтуя сторонникамъ православія организоваться въ кружки, думалъ этимъ уничтожить одно странное явленіе русской церковно-общественной жизни: православные дѣйствуютъ вразбродъ. Достаточно для этого припомнить исторію съ отлученіемъ отъ церкви Л. Толстого. Въ то время, какъ отщепенцы отъ церкви дѣйствовали солидарно и, даже при цензурныхъ стѣсненіяхъ, умѣли рѣзко выразить свой протестъ противъ церкви, что дѣлали сторонники церковнаго вѣросознанія? (Разумѣемъ образованныхъ людей) Они въ подавляющемъ большинствѣ молчали или же высказывали свое сочувствіе церкви въ одиночку. Въ то время какъ Л. Толстому присылались *коллективные* адреса и привѣтствія, было ли сдѣлано что-либо подобное со стороны приверженцевъ церкви по отношенію къ Св. Синоду? И это общее явленіе: намъ, церковнымъ людямъ, не хватаетъ живого взаимнаго единенія. А это громадный изъявъ. Жить въ одиночку весьма трудно даже человѣку, горячо преданному своимъ убѣжденіямъ. А сколько слабыхъ и колеблющихся, которые уходятъ изъ церкви, не нашедши поддержки въ своихъ сомнѣніяхъ и соблазвившись тѣмъ, что «все» противъ церкви?

Нужно ли послѣ этого распространяться о томъ, какое громадное значеніе для православныхъ можетъ имѣть солидная организація богословскихъ чтеній и устройство богословскаго общества? Видѣть полный залъ однихъ «своихъ», слушающихъ спокойную, увѣренную рѣчь лектора, находить откликъ своимъ мнѣніямъ по поводу прочитаннаго, — это важнѣе всякой, даже самой остроумной полемики противъ невѣрія и невѣрующихъ. А еслибы при этомъ оказался возможнымъ — въ закрытыхъ засѣданіяхъ — живой обменъ мнѣній, то это имѣло бы громадные практическія послѣдствія. Въ настоящее время большинство проповѣдниковъ говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, что съ ихъ точки зрѣнія важно и нужно. Но такъ какъ аудиторія безмолвствуетъ, то проповѣдникъ не можетъ поручиться за то, что важное съ его точки зрѣнія дѣйствительно нужно для его слушателей. Привычка къ монологической рѣчи часто дѣлаетъ ее отвлеченною, неприменимою для данной среды. Поэтому то слушатели, даже внимательные, остаются равнодушными къ рѣчи проповѣдника. Обменъ мнѣній, немыслимый въ храмѣ и неудобный на публичныхъ собраніяхъ, вполне уместенъ въ собраніяхъ закрытыхъ. Онъ лучше всего можетъ раскрыть дѣятелямъ церковнымъ, что волнуетъ мірянъ и на что особенно должна направляться энергія и пастырей и ревнителей православія изъ свѣтскихъ. Крімъ того, эта дѣятельность, будучи организована цѣлымъ обществомъ, поселитъ въ дѣятеляхъ бодрюю увѣренность въ усилѣхъ дѣла.

П. Никольскій.

Типы православнаго духовенства въ русской свѣтской литературѣ 1899—1901 гг.

Въ нашей свѣтской литературѣ 1900 и 1901 годовъ разбросано въ разныхъ мѣстахъ не мало типовъ духовенства —

частью въ разсказахъ, посвященныхъ спеціальнс быту духовенства, но большею частью выведенныхъ мимоходомъ въ различныхъ романахъ и повѣстяхъ. Встрѣчаются здѣсь и типы положительные, рисующіе достойныхъ священнослужителей, но не скроемъ, нѣтъ недостатка и въ типахъ отрицательно-карикатурныхъ, изображеніе которыхъ, какъ и въ прежнее время, взяли себѣ прямо спеціальностью нѣкоторые писатели. Мы рассмотримъ сначала первые, а потомъ конемся и послѣднихъ.

Въ романѣ графа Салиаса „Змѣй-Горынычъ“ („Село Уютное“) выведенъ старикъ священникъ отецъ Іоаннъ. Отецъ Іоаннъ—кроткій, любвеобильный и совершенно нестяжательный человекъ. Потерпѣвъ не одно крушеніе въ семейной жизни, потерявъ жену и дѣтей, кромѣ одного лишь сына, подверженнаго запою, старикъ не только не озлобился, не ожесточился, не очерствѣлъ сердцемъ, но ставъ кротокъ, какъ дитя, весь предался Богу и только въ молитвѣ находить себѣ утѣшеніе. Онъ бы давно ушелъ въ монастырь, если бы не бѣдные родные, а главнымъ образомъ оставшаяся на его попеченіи малолѣтняя сиротка внучка.

Богатый кабатчикъ, гордый, крутой и злой старикъ, желаетъ женить сына на избранной имъ богатой же невѣстѣ, а сыну нравится другая. Кабатчикъ приходитъ къ отцу Іоанну, чтобы тотъ убѣдилъ его сына. Но отецъ Іоаннъ прямо заявляетъ ему, что принуждать сына грѣхъ и что лучше всего предоставить ему жениться на той дѣвушкѣ, которая ему нравится, тѣмъ болѣе что она хорошая дѣвушка. Такой совѣтъ кабатчику сильно не нравится, и онъ съ крайнимъ презрѣніемъ говоритъ объ отцѣ Іоаннѣ:

— „Эхъ, вы, люди, люди, чудно разсуждаете! Сказаль вамъ кто-то: святой человекъ! Вотъ вы и повторяете. Ну, какой же отецъ Іоаннъ святой? Нешто этикіе святыи должны быть? Онъ, попросту сказать, дуракъ!... Хотъ и добрый человекъ. Приходъ большой. Будь онъ уменъ, было бы у него что-нибудь

за душой. А вѣдь у него, поди, алтына нѣтъ... на хлѣбѣ да на водѣ сидитъ. Святостью тоже не проживешь по нашему времени“ ...

Въ романѣ г. Апраксина „Князь Черновскій“ („Новый Мірѣ“ 1901 г.) выведены мимоходомъ два священника—отецъ Іоаннъ и отецъ Серафимъ, служащіе вмѣстѣ, въ большомъ селѣ. Старшій, отецъ Іоаннъ—вполнѣ почтенный, умный, добрый и деликатный старецъ. „Наружностью онъ напоминаетъ древнихъ патріарховъ. Бѣлые, совершенно серебряные, безъ желтизны, длинные волосы и такая же вьющаяся борода, болѣе темныя и нѣсколько нависшія густыя брови надъ чистыми, свѣтлыми, выразившими доброту, глазами,—такъ и просились на портретъ. Сама священническая ряса подходила ко всей его благообразной фигурѣ, а красивую старческую голову даже и съ одной всего встрѣчи нельзя было забыть; казалось, ее приходилось уже видѣть на какой либо хорошей картинѣ изъ Священнаго Писанія—до такой степени лицо отца Іоанна просилось на полотно... „Замѣчательный священникъ,—отзывается о немъ мѣстный становой.—Глубокое въ себѣ уваженіе умѣетъ вселить“. И все въ домѣ отца Іоанна производило на сторонняго посѣтителя чудное впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ взошелъ въ большую монастырскую келью почтеннаго монаха, отца казначея или даже игумена. По крашенымъ поламъ, содержимымъ въ удивительной чистотѣ, точно лакированнымъ и даже отражавшимъ ножки стульевъ, вились пеньковые дорожки. Тишина въ домѣ была именно монастырская, и только въ первой комнатѣ равномерно, медленно и какъ-то необычайно густо звучалъ маятникъ большихъ часовъ, стоявшихъ здѣсь въ узкомъ шкапикѣ съ стеклянной дверцей. По обнамъ стояло много цвѣтовъ, а стулья, шкапъ, зеркало и два стола были до того тщательно перетерты, что нигдѣ не было видно пылинки. Привѣтливо встрѣчаетъ отецъ Іоаннъ свѣтскаго гостя, радушно угощаетъ его и производитъ на него вообще самое лучшее впечатлѣ-

віе.—Другой священникъ изображенъ уже не въ столь симпатичныхъ чертахъ.

Въ разказѣ г. Гусева-Оренбургскаго „Первые шаги“, („Эпизодъ изъ жизни священника“) — разказѣ напоминающемъ собою извѣстный разказъ г. Потапенко „На дѣйствительной службѣ“, — выведенъ священникъ, о. Лука Израильскій, который всѣми силами своей души желаетъ послужить народу, но, благодаря своей непрактичности, терпитъ одну неудачу за другою.

„О. Лука Израильскій — такъ начинается разказъ — прѣхавъ первый разъ на приходъ, почувствовалъ большое смущеніе. Гдѣ та идиллія деревенскаго существованія, о которой онъ мечталъ въ семинаріи? Гдѣ та мирная, простая жизнь среди простыхъ людей, какую онъ думалъ найти въ деревнѣ? Послѣ долгихъ наивныхъ ученическихъ мечтаній, онъ сталъ лицомъ къ лицу съ практическою жизнью, — и она поразила его!... Она увлекла его въ водоворотъ такихъ отношеній, такихъ впечатлѣній, что иллюзіи его быстро разлетѣлись одна за другой, какъ пожелтѣвшія листья. Мечтательную натуру его охватилъ страхъ предъ великостью принятыхъ на себя обязанностей. Родившись и воспитавшись въ городѣ, онъ зналъ деревню только по книгамъ... Деревня рисовалась ему въ ореолѣ поэзіи. На дѣлѣ онъ увидѣлъ другое, о чемъ почти и не подозрѣвалъ. Судьба забросила его почти въ самую глушь степей, въ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ приходоу, которые между священниками считаются за „ссылку“. Здѣсь то среди вѣстьянъ онъ увидалъ нужду, готовую умереть со вздохомъ облегченія, узналъ такую холодную, голодную нищету, которая привела его въ ужасъ, въ трепетъ. Онъ скоро постигъ всѣ недостатки и недочеты деревенской жизни, всю дикость и заброшенность глухого мужицкаго существованія. Тогда его живую натуру охватило стремленіе къ практической дѣятельности. Онъ не могъ, по самому характеру своему, подвижному и увлекающемуся, ограничиться ролью наставника и про-

повѣдника,—ему всюду хотѣлось принести непосредственную, практическую пользу. Ему и бѣднотѣ захотѣлось помочь, и всякой иной отсталости и заброшенности мужичьей. Но тутъ-то и охватило его чувство мучительной безпомощности, когда онъ понялъ свою собственную неумѣлость и непрактичность..

Тогда онъ сталъ учиться. Кое-какъ сколачивая деньги, сталъ онъ выписывать популярныя книжки по хозяйству, по законамъ, по полеводству, огородничеству, газеты, календари. Падая на почву полной непрактичности, сѣмена этихъ книгъ разростались въ обширныя замыслы. Ему хотѣлось научить мужиковъ улучшенному хозяйству, устройству несгораемыхъ глинобитныхъ построекъ, учредить среди нихъ товарищества. Прочитавъ уставъ о сельскихъ банкахъ, онъ долго увлекался идеей основать такой банкъ въ своемъ приходѣ. Мечталъ объ устройствѣ артельной мельницы съ веросиновымъ двигателемъ. Онъ горячо развивалъ свои планы предъ приходившими къ нему крестьянами. Но на дѣлѣ для всякаго изъ его предпріятій вставало столько препятствій, что онъ не могъ, не умѣлъ ихъ обойти и сознавалъ, что беретъ не за свое дѣло и только показываетъ передъ всѣми свою непрактичность. Не докончивъ одного, онъ увлекался чѣмъ нибудь другимъ, что считалъ болѣе легкимъ и исполнимымъ; но почти во всѣхъ своихъ начинаніяхъ терпѣлъ неудачи“.

Такія неудачи потерпѣлъ онъ въ своихъ хлопотахъ о школѣ, въ введеніи раціональнаго хозяйства и т. п. Жена открыто не сочувствуетъ ему, смѣется надъ нимъ и бранитъ его за его „затѣи“. Но о. Лука не смущается и не приходитъ въ уныніе. Достаетъ онъ какъ-то народный лѣчебникъ и тотчасъ же начинаетъ увлекаться мыслью о лѣченіи народа,—приобрѣтаетъ нѣкоторыя лѣкарства и усиленно мечтаетъ о томъ, какъ бы скопить шестьдесятъ или хотъ сорокъ или даже хотъ тридцать-пять рублей для покупки домашней аптечки. Въ виду перваго опыта онъ даже начинаетъ лѣчить одну старуху. Но неудача и тутъ преслѣдуетъ его: старуха

умираетъ, а недруги о. Луки, во главѣ съ волостнымъ писаремъ, распускаютъ по селу слухи, что старуха померла отъ батюшкина снадобья. Матушка открыто насмѣхается надъ о. Лукой. О. Лука, наконецъ, выходитъ изъ себя.

„Стыдно! Стыдно!! остановился онъ передъ женою, весь трепеща. Тебѣ стыдно, Валя!.. Непростительно стыдно! Ты училась... ты читала. Неужели ты не мечтала никогда? Неужели у тебя сердце умерло смолоду, очерствѣло?.. Неужели въ грошѣ мѣдномъ, да въ удобствахъ только и видишь ты смыслъ жизни?.. О Валя!.. Стыдно! Пусть я непрактиченъ, пусть смѣшно у меня иногда выходить, наивно... Да вѣдь я отъ чистаго сердца пользу людямъ принести хочу. Понимаешь?.. Пользу. Зачѣмъ иначе жить? Я хочу живую душу въ себѣ сохранить, чтобы въ душѣ моей искра Божія не погасла... Понимаешь?.. А ты!.. Ты тянешь меня въ тину, въ пошлость, въ грязь житейскую“...

Матушка смущается отъ этой горячей рѣчи и проситъ у о. Луки извиненія, а о. Лука снова оживаетъ.

Послушай, Валя, говоритъ онъ женѣ.—Да въ чемъ же дѣло? Изъ за чего это малодушіе! Все это ты меня разстроила!.. Вотъ она, непрактичность-то!.. При первой же неудачѣ и голову терять!.. Эхъ, характериска сверный!.. А все это вздоръ!.. Не понимаютъ еще меня мужики, вотъ и вѣрятъ всякой сплетнѣ, какую про попа какой-нибудь завистливый писариска распускаетъ... Но поймутъ они меня, Валя, поймутъ... Я добьюсь этого!.. О, впереди еще цѣлая жизнь, а на первыхъ порахъ всегда шицы да терны бываютъ... Учиться буду,—воспитаю себя.. Мнѣ бы вотъ самому надо было старуху провѣдать, да самому ей лѣкарства дать, да наблюсти, чтобы всякой дряни не давали... Ну, да я не отступлю! Я теперь знаю, что мнѣ надо дѣлать, знаю!..

И, остановившись передъ женою съ восторженнымъ лицомъ и горящимъ взоромъ, онъ повторилъ:

„Понимаешь, Валя?.. Знаю“!..

Этими строками кончается рассказъ.

Въ разсказѣ извѣстнаго писателя П. М. Невѣжина „Врачи“, помѣщенномъ въ одномъ изъ приложений къ газетѣ Новости дня за 1900 годъ, выведенъ сельскій священникъ о. Антоній, сумѣвшій помирить двухъ гордыхъ братьевъ помѣщиковъ, смертельно поссорившихся при дѣлѣжѣ отцовскаго имѣнія.

„О. Антоній былъ любимцемъ своего прихода. Онъ не былъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ, не былъ однимъ изъ представителей новаго духовенства, которое держитъ себя нѣсколько вкрадчиво и гуманно, не былъ борцомъ за новыя вѣянія. У о. Антонія было одно громадное достоинство—необыкновенная искренность и трезвое отношеніе ко всякому случаю. Его совѣты цѣнились крестьянами на вѣсъ золота, потому что исходили изъ глубокаго знанія жизни“. Услышавъ о ссорѣ братьевъ, онъ является въ помѣщичій домъ и обращается къ враждующимъ съ смѣлымъ увѣщательнымъ словомъ. Смѣлость эта нѣсколько озадачиваетъ братьевъ и смягчаетъ грубость, съ какою встрѣтили было они священника, но все-таки о. Антоній на этотъ разъ не добивается ничего. Но онъ не унываетъ и, послѣ тщетныхъ попытокъ уговорить братьевъ порознь, достигаетъ все-таки примиренія ихъ искреннимъ и горячимъ словомъ, сказаннымъ въ церкви послѣ пасхальной заутрени. Братья мирятся тутъ-же, въ церкви.

„Смотря на это многіе плакали, и по мужественному лицу о. Антонія покатились слеза. Онъ переживалъ ту счастливую минуту, когда сознавалъ, что именемъ Бога воскресилъ духовный миръ двухъ заблудшихъ овецъ“...

Весьма интересные и съ большимъ чувствомъ и задушевностью обрисованные, взятые изъ дѣйствительности, типы духовенства выведены въ очеркахъ г. Елпатьевскаго „Разсказы о прошломъ“ (Русская мысль Мартъ 1901 г.).

Вотъ, наприм., какъ здѣсь, въ главѣ подъ заглавіемъ „Отецъ“, изображается одинъ сельскій дьяконъ:

Отецъ былъ высокаго роста, съ могучими плечами... ходившій немного сгорбившись, съ густыми черными волосами и заросшей все лицо огромной темнорыжей бородой. Я помню его съ косой въ рукѣ, съ тяжелымъ цѣпомъ, который онъ сдѣлалъ нарочно для себя, помню его въ церкви, помню сидящимъ за столомъ въ ожиданіи обѣда, съ задумчивыми глазами, углубленнымъ въ свои мысли, и всегда на лицѣ его лежало одно и то же выраженіе—забота.

Отецъ былъ дьякономъ на дьяческой папанси, т. е. получалъ доходы какъ дьячекъ. Ихъ было мало, этихъ доходовъ. Три руб. за свадьбу, десять коп. за годичное поминовеніе усопшихъ, три коп. молебень, столько же за панихиду, аналогичная плата за другія требы,—вотъ и всѣ денежные доходы. Остальное собиралось рожью и овсомъ, короваями хлѣба на первой недѣлѣ поста, яйцами на Пасхѣ. А приходы въ нашихъ мѣстахъ были маленькіе.

Попробовалъ было нашъ священникъ увеличить плату за требы, но по приходу пошелъ шумъ, и пріѣхавшій благочинный посовѣтовалъ батюшкѣ оставить все какъ было.

Главный доходъ духовенство получало отъ земли, оттуда же, откуда и крестьяне, а жить ему приходилось не какъ крестьянину и не по крестьянски вести дѣтей. Расходовать нужно было, и на расходъ нужны были именно деньги. Подрастали дѣти, росли и расходы. Старшій братъ учился въ семинаріи и жилъ на вольной квартирѣ, за которую нужно было платить; въ двери стучалась мода—и кринолины, и баржевыя платья, и полусапожки, и бархотки, и сѣтки на голову. Какъ ни скромно все это дѣлалось, на все это нужны были деньги, и все это нужно было дѣлать, чтобы не отстать отъ другихъ, не осрамить старшую сестру, которая вотъ-вотъ въ невѣсты выйдетъ. Росла и забота. Нужно было думать о приданномъ... поговаривали объ отправкѣ меня въ духовное училище, а тамъ росли еще другіе дѣти...

Нужно было работать не покладая рукъ, самому пахать

и косить (это же дѣлала и старшая дочь невѣста, которая тоже косила и вдобавокъ босикомъ, а остальные помогали убирать), приарендовать луговъ у помѣщика, чтобы выкормить скоть и продать осенью; нужно было работать всей семьѣ, чтобы за пасться на годъ всѣмъ, что нужно для дома.

И вѣчно словно смутное предчувствіе какого-то большого несчастья висѣло надъ отцомъ. Уберемся ли засухо съ сѣномъ, не обсыплются ли рожь и овесъ, пошлетъ ли Богъ дождишекъ для озимой, не объявился бы моръ на скоть. Выпадетъ жаркое лѣто, пойдетъ гулять красный пѣтухъ по деревнямъ,—и намаявшійся за день отецъ два—три раза встаетъ и обходить кругомъ дворъ и сарай, посмотрѣтъ, нѣтъ-ли чего подозрительнаго, не пахнетъ ли гарью. Надвинется грозная, темная туча,—зажгутъ передъ образами богоявленскую свѣчу, и вся семья на колѣняхъ начнетъ молиться Богу, чтобы мимо пронесъ гнѣвъ Свой... О, не смерти боялся отецъ!.. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ,—Его святая воля,—сердце отца сжималось отъ мысли, что молнія ударить въ амбаръ съ хлѣбомъ, какъ разъ и случилось; что градъ пройдетъ по полю и въ пять минутъ исковеркаетъ и смѣшаетъ съ землею поспѣвающую рожь...

И такъ легко было разорить это большое хозяйство, какъ и всякое безденежное крестьянское хозяйство, покоившееся на могучихъ, не знавшихъ отдыха, мускулахъ отца. Заболѣй онъ, сгори домъ, никогда не страховавшійся, случись падежь скота,—и все рухнетъ и такъ трудно будетъ снова стать на ноги...

Все думаетъ отецъ... Думаетъ и вздыхаетъ. Шумно веселятся гости на праздникахъ, рассказываютъ веселыя исторіи, отъ которыхъ смѣхъ стоитъ въ нашей горницѣ, онъ тоже улыбается—и вдругъ глубоко и трудно вздохнетъ, словно думя его Богъ знаетъ гдѣ, и какъ будто именно въ эту минуту и придетъ ему въ голову какая либо опасная мысль.

Сидитъ онъ одинъ себѣ въ горницѣ,—эти глубокіе, трудные вздохи отца доносятся къ намъ въ кухню.

Только праздники еще нѣсколько оживляли его...

Я не помню чтобы отецъ осуждалъ кого-либо. Должно-быть, онъ все смотрѣлъ на себя и, кажется, искренно находилъ, что всё умнѣе и достойнѣе его...

Такъ мало праздниковъ въ жизни отца, и суровые будни наполняли его душу вѣчными заботами и предчувствіемъ всякихъ бѣдъ и вѣчнымъ страхомъ передъ темнымъ будущимъ... Разрѣзывавшій яблоко двумя пальцами, какъ ножицами, носившій бревна, которыя съ усиліемъ поднимали два мужика, припрягавшійся къ лошади, когда приходилось въ осеннюю распутицу вытаскивать тяжелый возъ по грязной глинистой горѣ,—этотъ огромный мускулистый человѣкъ всего и всёхъ боялся, былъ робокъ какъ ребенокъ... Я не знаю, кого не боялся онъ. Если генеральша Солтухина присылала за нимъ служить обѣдню въ престольный праздникъ въ ея селѣ, онъ робѣлъ и, я увѣренъ, былъ бы радъ отступить отъ того рубля, который онъ получалъ за службу и который по тѣмъ временамъ представлялъ большую сумму, лишь бы не подвергаться опасности, которую онъ вездѣ видѣлъ...

А мать рассказывала—и намъ такъ трудно было вѣрить—что отецъ прежде былъ веселымъ, остроумнымъ человѣкомъ, любилъ собирать компанію... что такимъ онъ женился и такимъ онъ былъ, пока не понесъ на своихъ широкихъ плечахъ тяжелую сельскую ношу!..

Сурова и скудна была жизнь. „И большіе и малые ходили отъ снѣга до снѣга босикомъ, а кожаная обувь надѣвалась только по воскресеньямъ да въ праздники“. Щи да каша, картошка да хлѣбъ—вотъ, въ сущности, и вся ѣда. Осенью кололи телку, къ Рождеству рѣзали борова,—этимъ мясомъ продовольствовались въ продолженіи года, такъ какъ мясо варилося только въ большіе праздники, въ заговѣнье, да для помочей! Хлѣбъ ѣли только черный, да и то съ отрубями, чтобы меньше выходило; пшеничный хлѣбъ пекли только по

большимъ праздникамъ; остальное было въ томъ же родѣ. Мало смѣху и веселья было въ домѣ.

„Кончился рабочій день, уснуль усталый домъ... Отецъ молится. Чуть теплится лампадка передъ образами, и въ вспыхивающемъ красноватомъ пламени тускло блестятъ потемнѣвшіе серебряные вѣнчики надъ еле видными лицами старинныхъ иконъ, передъ которыми молилось столько поколѣній... Отецъ кладетъ поясные поклоны, касаясь пола концами пальцевъ, и чуть слышно шепчетъ свои вечернія молитвы... Молитва все разгорается, громче и громче становится шопоть, отецъ стоитъ на кодѣннхъ и, поднявши голову въ образамъ, съ крѣпко прижатыми ко лбу пальцами громко шепчетъ:

Господи, возвахъ въ Тебѣ, услыши мя! Услыши мя, Господи!.. Голова касается пола, и слышится напряженный шопоть:

Спаси, Господи, и помилуй!..

И снова заросшее волосами лицо поднимается въ образамъ и такъ громко и напряженно шепчетъ:

Помози... Помози...

Удрученный заботами, вѣчно напуганный человекъ, съ горячей вѣрой простирается ницъ передъ Спасителемъ и говоритъ, что его душа не знаетъ покоя, и сердце полно страха, и плечи его сгибаются подъ тяжкимъ бременемъ жизни, и все шепчетъ:

Помози... Помози“...

Это—отецъ, а вотъ и мать.

Не легче живется и матери. Съ утра до ночи—неугомонная работа, а ночью возня съ маленькими дѣтьми...

„Глаза матери закрыты, голова безпомощно наклоняется то въ ту, то въ другую сторону, на рукахъ спитъ Митя, а нога мѣрно качаетъ зыбку. Тихо скрипитъ оцѣпь, мигаетъ лампадка, а сонный, нѣжный и всегда такой печальный голосъ тихо напѣваетъ съ кровати:

А баю, баю, баю...

Скрипитъ одѣвъ, качается зыбка...

Кто тамъ въ этой зыбкѣ: Анюта, Гриша, Оля? Ихъ много было... Приходили они въ мѣръ, бѣленькіе и черненькіе, мальчишки и дѣвочки, они смотрѣли на Божій мѣръ сѣрыми, голубыми, темными глазками, смѣялись и плавали, различали горькое и сладкое, выговаривали „татя“ и „мама“, ползали по полу голыми ножками и, схватившись рученками за лавку, пробовали встать... А потомъ ложились въ бѣлые сосновые гробики, и ихъ уносили въ наше темное владбище.

Дѣдушка Филиппъ насадилъ тамъ своими руками и должно быть, по своему вкусу, однѣ елочки. Съ тѣхъ поръ выросли огромныя ели, и темнымъ лѣсомъ глядѣло между полей наше владбище. Тихо было въ немъ, не прилеталъ соловей къ угрюмымъ елямъ и только вувушка по веснамъ говорила оттуда людямъ о смертномъ часѣ.

Выростали тамъ, въ томъ углу, гдѣ лежали дѣтушки, маленькія холмики, заростали зеленой травой, забывались понемногу голубые, сѣрые и темные глазки...

Только не закрывались раны въ сердцѣ материнскомъ.

Урвется мать въ церковь,—не часто отъ дѣтей ходить удавалось,—на могилу зайдетъ, меня возьметъ.

Пять могилочекъ, пять маленькыхъ холмиковъ, заросшихъ травой, изъ которой выглядываетъ бѣлая ромашка и розовый горошекъ, сгрудились кучкой, рядышкомъ между повосившимися и почернѣвшими крестами большихъ могилъ. Мать долго молится, стоитъ на колѣняхъ и принадлежитъ лбомъ къ зеленымъ холмикамъ, а слезы тихо катятся по щекамъ, и беззвучно шевелятся губы.

Гришенька, золото ты мое... Оленька, умница ты моя расхорошая... урвется шопоть, и забудется мать.

Стоить и смотреть на могилки, словно слушаетъ, какъ тамъ сверху тихимъ гуломъ шепчутся ели...

Я дергаю ее за платье, она долго не замѣчаетъ, потомъ опомнится.

И то домой пора... Перекрестится еще разокъ, вздохнетъ глубоко и по'редеть домой, унылая-унылая, забывши про меня.

А плакать-то некогда, горевать времени нѣтъ...

Насъ семерыхъ обшить и накормить надо, а тамъ хозяйство, а тамъ новые дѣтскіе глазки ждутъ отъ матери улыбки, требуютъ ласки... И не всѣ матери такъ богаты, чтобы могли вволю наплакаться надъ умершимъ ребенкомъ...

Помню, Гриша умеръ. Болѣзнь какая то ходила по деревнямъ и подбирала много дѣтей,—и тѣхъ, что въ зыбкахъ качались, и тѣхъ, которыя ползали и ходить учились. Горѣлъ ребенокъ, красный дѣлался, а потомъ умиралъ. Докторъ въ то время не было. Наѣзжалъ изрѣдка лѣкарь изъ города, но всѣ такъ и знали, что онъ насчетъ мертвыхъ тѣлъ, а живыхъ не касается, и лѣчиться у него такъ же странно было бы, какъ идти вѣнчаться къ могильщику. Лѣчили богоявленской водой, малиной, липовымъ цвѣтомъ, а больше полагались на милость Божію.

Умеръ Гриша въ ночь подъ воскресенье, а въ воскресенье назначена была помощь,—лѣто выпало жаркое, рожь начинала сыпаться. Кухня, горница и даже сѣни были биткомъ набиты столами, за которыми обѣдали мужики и бабы. Гриша лежалъ въ задней влѣти, служившей владовой и я былъ приставленъ въ гробикъ отмахивать вѣточкой мухъ отъ Гришина личика и стеречь, чтобы не вошла кошка и не попортила Гришу, чего мать ужасно боялась. Сквозь отворенныя двери до меня доносилось гудѣнье мужскихъ и бабьихъ голосовъ, упрашиванья отца и матери.

Въ владовку входитъ мать, красная отъ жары и духоты съ опухшими отъ слезъ глазами на усталомъ лицѣ. Она долго стоитъ наклонившись надъ гробикомъ, катятся слезы изъ ея глазъ, и забываетъ она, что тамъ за столами гудятъ пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ нужно обносить водкой и пивомъ, угощать кушаньями... Болѣзнь мой... Сердечный мой... Али

я не жалѣла тебя?.. Али не ласкала, Гришенька?—падаютъ, какъ слезы, жалобныя слова въ сосновый гробикъ. И долго-долго говорить мать съ сосновымъ гробикомъ.

Торопливо входитъ отецъ и останавливается, блѣдный и растерянный, и часто мигаетъ влажными вѣками, глубоко вздыхаетъ и крестится на образъ.

Надежда Михайловна! Наденька... осторожно трогаетъ онъ мать за рукавъ.—Что уже дѣлать-то,—не воротишь... Божья воля, Царя небеснаго... Галдятъ мужья-то глухо говорить онъ. Вотъ у насъ сколько ребятъ-то—объ нихъ подумать надо...

Мать торопливо утираетъ слезы фартукомъ и идетъ за отцомъ. Карпу Спиридонычу поднеси, уважь... шепчетъ отецъ въ дверяхъ.—Сама знаешь, какой онъ чивый...

И я слышу, какъ мать говоритъ,—я знаю она стоитъ со стаканомъ водки и кланяется.

Выкушайте, Карпъ Спиридоновичъ... Ужь не обезсудьте, чѣмъ Богъ послалъ.

Много довольны, Надежда Михайловна...

Мать снова упрасиваетъ. Долго и скучно тянутся безвечныя церемоніи.

Шумъ и галдѣнье растутъ. Слышны тяжелыя шутки, взрывы смѣха.

Мимо окна съ громкими крикливыми пѣснями прошли кончившія обѣдъ бабы и дѣвки. Въ кладовку входитъ мать, она тяжело опускается на наваленныя въ углу мѣшки и плачетъ горькими безмолвными слезами.

Отнесли Гришу на темное кладбище, и подъ высокою елью выросъ новый холмикъ.

А вечеромъ разгорѣлась Даша, и потянулись долги, бессонныя ночи... Некогда Гришину могилку оправить, некогда поплавать надъ нимъ...

Все не изсякаетъ великій источникъ материнской любви и жалости. Своего горя нѣтъ—чужія слезы рядомъ льются. Придетъ къ матери баба и начнетъ жаловаться:

Пожалѣй ты меня, Михайловна! Разговори ты меня какиминибудь словами, радѣльница ты моя... Все Ларивонушка чудится. Придетъ будто ночью, да обнимаетъ, да какъ за-а-плачетъ!.. Никогда моей матери не скучно говорить о дѣтяхъ. И примется она жалѣть бабу.

Какъ не горько Оринушка! Сама знаю, помретъ ребеночекъ—словно у тебя кусокъ тѣла оторвутъ. И все думаешь не сберегла, мало жалѣла...

Пожалѣетъ мать, разговорить ласковыми словами, иной разъ и поплачетъ вмѣстѣ. И отлегнуть у бабы на сердцѣ, и уйдетъ она, умиротворенная чужой лаской и жалостью...

(Душеполезное Чтеніе 1902 г. Янв.).

Іосифъ епископъ Воронежскій.

Въ Сентябрѣ 1723 года умеръ Воронежскій епископъ митрополитъ Пахомій ¹⁾. Святитель скончался при исключительныхъ обстоятельствахъ: въ то время, какъ онъ лежалъ

¹⁾ О смерти м. Пахомія имѣются слѣдующія разпорѣчивыя указанія. Въ Описан. догум. и дѣлъ, хранящ. въ Арх. Св. Синода, т. II, ч. 1, Указат. личныхъ именъ, стр. 54, говорится, что м. Пахомій умеръ 23 Сентября 1723 года, въ Предисловіи же къ четвертому тому того же Описан. и въ другихъ томахъ утверждается, что смерть митрополита послѣдовала въ теченіи 1724 года. Странное разнорѣчіе въ одномъ и томъ же изданіи! Въ напечатанныхъ и описанныхъ документахъ синодальнаго Архива, къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на годъ и мѣсяцъ смерти Пахомія не имѣется, но все-таки можно утверждать, что первая достоверная. Въ одномъ мѣстѣ «Описаній» есть такое замѣчаніе: бывший келейникъ Пахомія Маркъ въ 1728 году просилъ Св. Синодъ возвратитъ ему его «дубовый сундучокъ со скарбашкомъ», взятый въ Духовную Дикастерію вмѣстѣ съ оставшимся имуществомъ покойнаго Пахомія. «Означенный сундучокъ, сохранившійся съ 1723 юда дѣлымъ, по опредѣленію Св. Синода, былъ выданъ просителю» (Описаніе догум. и дѣлъ, хранящ. въ Синод. Арх., т. VIII, № 153).

на смертномъ одрѣ, надъ нимъ производилось слѣдствіе по жалобамъ его пасомыхъ; смерть его не огорчила и Св. Синодъ, который никогда не считалъ этого пришлого архіерея изъ Валахіи выдающимся іерархомъ. Даже погребеніе почившаго не отличалось особой торжественностію: его отпѣло, повидимому, одно мѣстное духовенство вмѣстѣ съ архимандритомъ Іосифомъ, производившимъ разслѣдованіе его винъ. Случилось такъ, что ровно чрезъ два года этотъ слѣдователь-архимандритъ занялъ катедру епископа, котораго онъ теперь погребалъ. Трудно было ожидать, чтобы Іосифъ, не знавшій что такое школа и наука, могъ разсчитывать на мѣсто въ ряду русскихъ святителей. То было время, когда одно образованіе обезпечивало судьбу монаха, и такіе случаи, когда архіерейство давалось за другія качества, были совсѣмъ немногочисленны. Нужно было быть либо Георгіемъ Дашковымъ, либо Львомъ Юрловымъ и имъ подобнымъ, чтобы имѣть возможность стать соепископомъ Теофана, Θεодосія, Епифанія Тихорскаго, Лаврентія Горька и другихъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ временъ Петра I и его ближайшихъ преемниковъ. Принадлежа къ «нешкольнымъ» архимандритамъ, Іосифъ очевидно имѣлъ у себя нѣчто такое, что дало ему возможность сдѣлаться сначала игуменомъ монастыря, а потомъ постепенно пройти степени архимандрита, епископа и умереть членомъ Св. Синода.

Совсѣмъ незнатный по происхожденію Іосифъ выдвинулся впередъ благодаря покровительству знатныхъ лицъ, во это было покровительство не то, которое возводитъ на высоту людей ничтожныхъ; наоборотъ, оно было лишь заслуженной давнью достоинствамъ Іосифа, которыя заставили обратить на нихъ вниманіе «вкладчиковъ» монастыря, гдѣ онъ былъ игуменомъ. Чрезъ этихъ вельможъ-князей Голицыныхъ и Аврама Феодоровича Лопухина, брата царицы Евдокіи, Іосифъ

сталъ извѣстенъ даже самой императрицѣ Екаторинѣ I, съ того времени неизмѣнно благоволившей ему и всегда покровительствовавшей. Высшая церковная власть цѣнила Иосифа не потому только, что его отличала государыня, но и за его проникательный умъ, практическую дѣловитость, замѣнявшія ему образованіе, за усвоенный имъ духъ законности, за должное уваженіе и отношеніе въ авторитету свѣтской и духовной власти,—добродѣтель, которая была рѣдка даже у лучшихъ людей его времени, а прочими почиталась за ничто. Иосифъ былъ человекъ скромный безъ униженія и чуждъ былъ духа стяжательности. Все это такія качества, которыми придавалъ значеніе и императоръ Петръ, а Екатерина считала ихъ положительнымъ достоинствомъ.

Иосифъ происходилъ изъ великорусской духовной семьи. Родители его «священнаго чина» люди сначала жили въ г. Осташковѣ (Твер. губ.), а потомъ перешли въ Москву, гдѣ отецъ его былъ священникомъ у церкви Вознесенія Господня что за Никитскими воротами. По наслѣдству этотъ приходъ перешолъ по смерти отца въ Иосифу, а когда умерла его жена—онъ принялъ постриженіе въ одномъ изъ Московскихъ монастырей. У него былъ племянникъ діаконъ одной изъ Московскихъ церквей Василій Саввинъ ¹⁾; другой же родственникъ, іеромонахъ Троице-Сергіева монастыря Іона, постриженникъ Никитскаго монастыря, избранъ былъ братіей послѣдняго во игумены и архимандриты, но не былъ утвержденъ Св. Синодомъ, такъ какъ, представленный «для свидѣтельствванія предъ синодальное собраніе явился настоятельскаго званія повести не могушимъ» ²⁾.

Обстоятельствъ, при которыхъ Иосифъ сдѣлался въ

¹⁾ Опис., т. VII, № 6.

²⁾ Опис., т. VIII, № 660.

1714 году игуменомъ Никитскаго Переяславля Залѣскаго монастыря, мы не знаемъ; въ архимандриты же онъ былъ посвященъ чрезъ два года ¹⁾. Въ настольной грамотѣ, данной ему по этому случаю, говорилось:

„По благодати и дару Всесвятаго и Животворящаго Духа и по власти, даннѣй намъ отъ Самаго Великаго Архіерея—Господа нашего Иисуса Христа, повелѣніемъ же благочестивѣйшаго Великаго Государя нашего Царя, и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, патріаршескаго престола блюститель, преосвященный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, благословилъ и посвятилъ межъ патріаршества Переяславля Залѣскаго Никитскаго монастыря игумена Иосифа во оный же Никитскій монастырь храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и великомученика Никиты и преподобнаго отца нашего Никиты Столпника Переславскаго Чудотворца, во архимандриты. Сего ради нынѣшняго 1716 года Марта въ день, били челомъ Великому Государю онаго Никитскаго монастыря той вышеобъявленный бывшій игумень Иосифъ съ братією, а въ прошеніи ихъ написано: въ Переславлѣ де Залѣсскомъ устроися оная обитель болѣе шести сотъ лѣтъ, и преподобный Чудотворецъ Никита Столпникъ древній, къ сему же и благородныя Государыни Царевны и Великія Княжны Екатерины Алексѣевны въ прошеніи къ преосвященному митрополиту написано: дабы, нынѣшнія ради

¹⁾ Никитскій монастырь, неизвѣстно когда и въмъ основанный (по монастырскому преданію, въ XII в., когда жилъ и пр. столпникъ Никита), принадлежалъ къ наиболее древнимъ. Онъ имѣлъ у себя довольно богатые и многолюдныя вотчины, доходы съ которыхъ впрочемъ шли въ количествѣ почти $\frac{4}{5}$ въ Монастырскій Приказъ; кромѣ того у монастыря были и богатые вкладчики. До самаго 1716 года монастырь управлялся іеромонахомъ съ званіемъ игумена, съ такимъ же титуломъ управлялъ имъ и Иосифъ, но въ 1716 году, воспользовавшись рожденіемъ царевича Петра Петровича, онъ, поддержанный самой супругой императора Петра Екатериной Алексѣевной, подалъ Государю просьбу о томъ, чтобы быть ему архимандритомъ. Прошеніе Иосифа съ братією было уважено; указомъ Государя отъ 8 Марта 1716 года повелѣвалось посвятить игумена во архимандрита, для чего Иосифъ ѣздилъ въ Москву и здѣсь въ Успенскомъ соборѣ Стефаномъ Яворскимъ, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, «чинно на степень архимандрита возведенъ».

Всероссійскія радости—рожденія благороднаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Петровича—и ея благородныя Государыни Царевны прошенія, преосвященный митрополить во ономъ Никитскомъ монастырѣ, вмѣсто игуменства, благословиль и посвятиль во архимандриты, съ шапкою, того бывшаго игумена Юсифа; а къ вышеписанному Никитскаго монастыря братскому прошенію того жъ Переславля Залѣскаго Горицкаго монастыря архимандрить Пахомій и вкладчики бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ, да князь Сергій Борисовичъ Голицыны, Авраамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ, Андрей Бѣляевъ, Александръ Сергѣевъ, Леонтій Магницкій, руку приложили. И Марта 8 числа Великій Госудеръ Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указаль и преосвященный Стефанъ митрополить Рязанскій и Муромскій, благословиль и повелѣль еже быты въ томъ монастырѣ архимандриту, съ шапкою и съ палицею, и ему, вышеобъявленному архимандриту Юсифу, быти въ томъ Никитскомъ монастырѣ и по немъ впредь будущимъ архимандритамъ вѣчно. Сей же архимандрить Юсифъ да будетъ выну благодѣлавъ во спасеніи и назиданіи врученнаго ему стада, еже Христось поручи ему чрезъ мѣрность нашу подобаетъ убо ему, архимандриту Юсифу, быти благолюбиву, братолюбиву, кротку, смиренну, трезву, цѣломудренну, благоговѣйну, страннолюбиву, учительну, не пїяницѣ, не сварливу, не мздопримцу, смотрѣливу, не завистливу, не сребролюбивцу, и церковному исполненію безъ лѣности прилежати ему и добрѣ о всемъ предстательствовати, и опасну стражу имѣти и радѣти о сущихъ подъ нимъ, и мысленные волки отгоняти отъ стада працею Божественныхъ словесъ, пророческихъ, апостольскихъ и отеческихъ преданій, и самимъ собою свѣтъ проявляти сущимъ въ невѣднїи, но глаголющему словеси (еже Христось ко святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ рече): „вы есте свѣтъ міра, и да просвѣтитса свѣтъ вашъ предъ человекѣми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“; просвѣщати же и учити свѣтомъ разума, еже есть собою образъ показовати во всѣхъ духовныхъ добродѣтеляхъ, учити же и наказывати, обращати же отторгшіяся и вречавати недужнѣя, яко согнившіе и отпадшіе уды тѣлесе, и прилагати пластырь милостивнѣ къ язвамъ

ихъ и отгнати врачевственное благомастіе здраваго ученія и цѣлители язвы душевныя покояніемъ; сія сотворивый пастырю сподобится слышати отъ благаго Владыки Господа нашего Исуса Христа божественный и сладкій гласъ глаголющи: „благій рабе вѣрный, въ малѣ еси вѣренъ былъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа твоего“! Церковная же вся священнослуженія должень управляти по правиламъ св. адостоль и св. отецъ и по нашему благословенію, а въ недоумѣваемыхъ догматыхъ съ нами да совопрошается, о себѣ же мудрствовать въ ничесомъ же власть да имать, послушаніе же и покореніе имѣти ему къ намъ, оно же есть писано: „всяка душа властенъ предержавшимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть, тѣмъ же противляйся власти Божію повелѣнію противляется“. Жительствующие же во оной обители іеромонахи, и діаконы, и монахи, и слуги, и служебники, и вси христіане, примите радостно сего всечестнаго отца вашего и спасенію предводителя, архимандрита Іосифа, и повинуйтеся ему отъ всея души, яко самому Христу: ибо пастырь есть и образъ Божій имѣть; предпочитайте его и слушайте во всемъ, яко не оному сего хотящу, но Христу, рекшу ко апостоламъ: слушаая васъ Мене слушааетъ, отменяяся же Мене отменяется пославшаго Мя; чѣмъ не будете отметницы, непослушницы Христовы, да обрящете отъ Него милость въ день судный. Архимандритъ же Іосифъ долженствуетъ проповѣдати слово Господне всѣмъ православнымъ христіанамъ, дабы православные христіане жительство имъ ли по заповѣдемъ Божіимъ. Извѣстнаго же ради свидѣтельства онъ, архимандритъ Іосифъ, яко отъ насъ благословенъ и чинно на степень архимандричества возвиденъ и рукоположенъ, писася и запечатася сія настольная грамота въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ патріаршемъ домѣ, и дадся ему во велицей церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Лѣто отъ мірозданія 7124, воплощенія же Божія Слова 1716 года, Марта въ 11 день. Оная подлинная грамота за подписаніемъ преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго и Муромскаго.

Дѣятельность Іосифа, какъ настоятеля, была работой хорошаго, дѣловитаго помѣщика; въ тиши монастырской жизни

онъ велъ обширное хозяйство, копилъ добро и созидаль благополучіе своего монастыря. Два, три случая изъ этого времени записаны какъ бы съ цѣлю не дать забыть о немъ. Какъ представитель «знатнаго» монастыря Іосифъ подписываетъ Духовный Регламентъ, участвуетъ въ торжествѣ коронаціи Екатерины I, ѣдетъ производить слѣдствіе надъ Воронежскимъ епископомъ м. Пахоміемъ. Очевидно, Св. Синодъ не забывалъ правтичнаго Нивитскаго архимандрита и въ его монастырскомъ уединеніи. Ближайшимъ образомъ слѣдствіе надъ Пахоміемъ было вызвано жалобой монаха Донецкаго монастыря Тихона съ братіей на митрополита, взявшаго изъ монастыря деньги и церковную утварь. Въ челобитной, поданной 1718 года въ Патріаршій Духовный Приказъ, говорилось, что Пахомій присылалъ въ Монастырь своихъ доверенныхъ лицъ, которые наносили оскорбленія начальственнымъ лицамъ и побои монастырскимъ крестьянамъ, грабили монастырскія деньги и имущество. Когда же казначей Феодосій поѣхалъ къ м. Пахомію съ жалобой, то, встрѣтивъ его въ селѣ Животинной на поминовеніи въ домѣ дворянина Веневитинова, получилъ отъ него побои: Пахомій «изъ своихъ рукъ билъ казначея тростию смертно и пробилъ ему руки и голову до крови, отнял у казначея лошадей и деньги, отослалъ въ оковахъ въ Воронежъ и держалъ подъ карауломъ шесть недѣль». Все забранное Пахомій обѣщалъ возвратить монастырю, но вмѣсто того держалъ начальственныхъ лицъ подъ карауломъ и взялъ съ нихъ росписку, что все это отдано съ согласія братіи.

Патріаршій Приказъ этого дѣла не рѣшилъ и тогда Св. Синодъ поручилъ дослѣдовать его архимандриту Іосифу ¹⁾. Кроме того въ архіерейской казнѣ обнаружилась растрата

¹⁾ Описан., т. X, № 181.

денегъ, а веденіе прихода-расходныхъ книгъ было крайне небрежное.

Въ доношеніи своемъ Св. Синоду Пахомій писалъ, что чрезъ два года по пребытіи его въ Воронежъ (1714 году), іеромонахъ Никодимъ, правившій казначейскую должность умеръ скоропостижно, оставивъ послѣ себя «приходныя и расходныя книги не подписаны и не исправлены», хотя при его жизни онъ, Пахомій, «многажды» приказывалъ ему «дабы по книгамъ счелся». Когда Никодимъ умеръ, въ то время его, митрополита, въ Воронежѣ не было; по прибытіи же своемъ онъ приказалъ «тѣ приходныя книги противу расходу исправить» находившемуся при покойномъ казначеѣ старому подъячему Иванову; но и этотъ умеръ «въ 1720 году въ бытность его въ С.-Петербургѣ», оставивъ расходныя книги 1715, 1716 г.г. «неисправны и въ черѣ». Это обнаружилось въ 1721 году, когда Пахомій, получивъ синодальный указъ о присылкѣ лазаретныхъ денегъ, приказалъ своему казначею (вѣроятно, Варсонофію, бывшему потомъ архимандритомъ) въ Казенномъ приказѣ справиться по прихода-расходнымъ книгамъ о количествѣ денегъ, поступившихъ въ архіерейскій домъ съ прибытія его на епархію. При послѣдовавшей затѣмъ ревизіи книгъ, по приказанію его Пахомія, въ Судномъ Духовномъ Приказѣ, по приходнымъ книгамъ 1715 года «явилось» 2209 руб., 7 алтынъ, 1 деньга всѣхъ епархіальныхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ; изъ нихъ въ расходѣ по расходнымъ книгамъ было всего 1931 руб. 11 алт. 4 ден., но остаточныхъ за расходомъ денегъ, вмѣсто 277 руб. 28 алт. 5 ден., на лицо оказалось только 58 руб. 6 алт. полтрети деньги. По расходнымъ же книгамъ 1716 года расходъ оказался превысившимъ доходъ на 11 руб. 4 алт. полтрети деньги «невѣдомо изъ какихъ особныхъ денегъ», именно: перваго было вмѣстѣ съ выдачею жалованья

за мартовскую половину 1637 руб. полшесты деньги, а второго, т. е. всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ по епархіи 1626 руб. 2 алт.

Донося объ этомъ, Пахомій спрашивалъ Св. Синодъ, откуда онъ повелить пополнить недочетъ въ наличныхъ деньгахъ за 1715 годъ, за время казначейства Никодима и завѣдыванія книгами подьячаго Иванова. Св. Синодъ опредѣлилъ: запечатать пожитки казначея, взятое послѣ его смерти проживавшимъ въ Симоновѣ монастырѣ сербскимъ архимандритомъ Іоанниціемъ, и пожитки подьячаго Иванова, на дому у его брата, Воронежскаго священника Семена, и, повѣривъ показанный м. Пахомиемъ недочетъ по книгамъ «въ самую сущую правду» (для чего изъ Синода посланъ нарочный) «тотъ недочетъ возвратить въ надлежащее мѣсто изъ его казначейскихъ и изъ подьяческихъ пожитковъ» ¹⁾.

Въ Январѣ 1723 года Іосифъ, извѣстивъ Синодъ о своей готовности ѣхать «ради слѣдованія о Воронежскомъ архіереѣ» ²⁾, отправился сначала въ Москву, чтобы увидѣться съ синодальными, бывшими здѣсь, членами и получить надлежащія инструкціи, а потомъ подождать возвращенія на епархію м. Пахомія, вызваннаго въ столицу для суда по сдѣланному на него доносу ³⁾. Такъ какъ Синодъ оставался въ Москвѣ до половины Марта, то Іосифъ и Пахомій могли прибыть въ Воронежъ только въ Апрѣлю. Какъ велась ревизія, насколько виновнымъ оказался Пахомій, свѣдѣній у насъ не имѣется, но дѣло несомнѣнно было сложное, запутанное, тѣмъ болѣе, что къ прежнимъ растратамъ присоеди-

¹⁾ Описан., т. II, ч. 1, № 725.

²⁾ Описан., т. III, № 93.

³⁾ Доносъ этотъ былъ политическаго свойства и вѣроятно имѣлъ отношеніе къ дѣлу друга Пахомія, архимандрита Исаи, битаго за виновность его «ещедавно» шелепами въ Александровскомъ монастырѣ предъ всей братіей (Опис., т. II, ч. 1, № 760).

вились новыя, къ которымъ причастнымъ оказался новый казначей архіерейскаго дома архимандритъ Варсонофій, тогда же отрѣшенный отъ должности Іосифомъ ¹⁾). Дѣло было настолько трудное, для раскрытія его потребовалось такъ много времени, что Іосифъ пробылъ въ Воронежѣ почти полгода, вплоть до самой смерти м. Пахомія, послѣдовавшей 23 Сентября того же 1723 года. Нѣтъ указаній на то, чтобы Пахомій былъ боленъ какою-либо тяжелою болѣзнію; частые его разъѣзды по столицамъ и послѣдняя поѣздка въ Москву тоже не говорятъ о неизлѣчимомъ недугѣ митрополита; такъ что преждевременная кончина его (на 51 году жизни) была совсѣмъ неожиданной. Нужно думать, что Московскій судъ и Воронежская ревизія были для него рѣшительно неблагопріятны, и Пахомій скончался отъ огорченія. Съ смертію подсудимаго кончилась и ревизія надъ нимъ; Іосифъ отдалъ послѣдній домъ почившему святителю, принявъ участіе въ его погребеніи, за что впоследствии получилъ изъ его имущества 50 руб. денегъ и «рясу обьяривную на песцовомъ мѣху» ²⁾).

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

(† Алексѣй Ивановичъ Сахаровъ).

Когда намъ приходится слышать о смерти какого-нибудь человѣка, то мы, въ большинствѣ случаевъ остаемся равнодушны къ этому, какъ къ факту неизбѣжному, привычному, естественному результату закона смертности людей. Но когда жертвой этого закона дѣлается знакомый, близкій, родной

¹⁾ Описан., т. IV, № 129.

²⁾ Описан., т. VII, прилож. VI, стр. XXXIX, XL.

намъ человѣкъ, когда ужасный, скорбный и величественный актъ смерти совершается надъ существомъ, съ которымъ мы недавно видѣлись, разговаривали и смѣялись, тогда невольный ужасъ обдаеть холодомъ наше сердце и тяжелое, страшно тяжелое чувство тоски заставляеть забыть о мелкихъ суетныхъ заботахъ жизни и думать объ одномъ, только объ одномъ томъ, что единственно важно, нужно и необходимо...

7 Марта скончался воспитанникъ 5 класса нашей Семинаріи А. И. Сахаровъ. Скончался на 20 году, въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ собственно начинаетъ жить, когда жизнь представляется особенно хорошей и привлекательной. У покойнаго было много данныхъ, чтобы мечтать о такой жизни. Обладая музыкальнымъ талантомъ ¹⁾ онъ конечно могъ рассчитывать на дальнѣйшее музыкальное образованіе по окончаніи курса Семинаріи, на пріобрѣтеніе впоследствии извѣстности, славы. И вотъ, вмѣсто всего этого, вмѣсто молодой, радостной жизни—неумолимая смерть. Всѣ надежды, ожиданія и мечтанія разбиты и зарыты въ этой холодной мрачной могилѣ.

Конечно, ни слезы, ни сожалѣнія, ни похвалы не нужны отшедшему въ иную область жизни, чуждую болѣзни, печали и воздыханія. Но намъ, оставшимся въ живыхъ, эти слезы необходимы, какъ средство смягчающее и утишающее тяжелое чувство потери, намъ необходимо возстановлять въ памяти свѣтлый, нравственный обликъ почившаго, чтобы тяжесть вѣчной разлуки съ нимъ умѣрялась сознаніемъ, что ему «тамъ» будетъ хорошо. Я, какъ одинъ изъ близкихъ товарищей покойнаго, считаю своимъ долгомъ написать хоть эти немногія строки въ память его свѣтлой симпатичной

¹⁾ Онъ былъ лучшимъ музыкантомъ въ Семинаріи и въ послѣднее время управлялъ семинарскимъ оркестромъ.

личности. Покойный А. И. отличался замѣчательнымъ добродушіемъ, мягкостью характера и чистымъ незлобивымъ сердцемъ. Всегда привѣтливый въ обращеніи съ товарищами и ласковый до нѣжности, онъ никогда не позволялъ себѣ никакихъ насмѣшекъ и даже невинныхъ подшучиваній надъ другими. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что любовь къ ближнимъ есть самое важное дѣло, завѣщанное намъ Учителемъ-Богомъ, а потому любилъ и старался любить всѣхъ, кого только можно: страстно любилъ своихъ родныхъ, съ нѣжной дружбой относился къ товарищамъ,—и не стѣснялся нисколько высказывать эти свои чувства въ словахъ и поступкахъ.

Будучи чистымъ отъ природы и чистымъ по строго нравственному воспитанію, покойный А. И. не только былъ свободенъ отъ какихъ либо грязныхъ и гадкихъ поступковъ, но даже и мыслями своими онъ, кажется, никогда не тяготѣлъ къ нимъ. Всегда скромный, стыдливый, дѣвственный, хрупкій и болѣзненный, онъ производилъ впечатлѣніе чуждаго міру сему.

Жалко, очень жалко потерять такого товарища! Невыразимо тяжела, конечно, родителямъ утрата любимого и нѣжно любившаго ихъ сына! Но вотъ когда пройдутъ первые порывы тоски и отчаянія, когда слезы устанутъ, наконецъ, литься изъ глазъ ихъ, когда сердце ихъ, умиротворенное этими слезами, получитъ способность внимать словамъ утѣшенія; пусть тогда подумаютъ они, не проявилось ли въ смерти сына ихъ премудрое дѣйствіе Высшей воли, не лучше ли было то, что эта чистая душа оставила насъ въ началѣ своей жизни и, не запачкавшись грязью, пошлостью и мелочью жизни, перешла въ міръ иной въ свѣтлой одеждѣ своей невинности.

Блаженни бо чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять.

Ив. Адамовъ.

О Т Ч Е Т Ъ

приходскаго Попечительства Воронежской Входо-Иерусалимской церкви за 1901 годъ.

Приходское Попечительство, учрежденное при Входо-Иерусалимской церкви въ 1872 г., вступаетъ въ 30 годъ своего существованія. Окончивъ годъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, на основаніи положенія о приходскихъ Попечительствахъ, имѣеть долгъ отпечатать отчетъ о приходѣ и расходѣ въ 1901 г. и остаткѣ въ 1902 г.

П Р И Х О Д Ъ.

Остатокъ отъ 1900 г. на 1901 г.

Наличными.....	151 р. 11 в.	
°/° бумажками.....	10455 » 57 »	
		<hr/>
		10606 р. 68 в.

Въ 1901 г. поступило.

°/° съ капиталовъ....	355 р. 49 в.	
Возвращено °/° налога		
съ капиталовъ.....	16 » 31 »	
Отъ непожелавшаго объявить своего имени.....	33 » 50 »	
Отъ Е. И. П.	50 » — »	
» Сошкова.....	74 » — »	
» Парамонова.....	75 » — »	
» Ширяева въ память		
Василія и Евдоіи.....	20 » — »	
Отъ Сивицовой.....	10 » — »	
» Долгополова.....	10 » — »	

Отъ Антонова.....	8 р.	— к.
› Гарденина.....	10 ›	— ›
› В. И. Федорова....	3 ›	— ›
› Хамова.....	4 ›	— ›
› Воронова.....	1 ›	— ›
› Тюменова.....	6 ›	— ›
› Воищева.....	15 ›	— ›
Изъ кружекъ членовъ...	38 ›	17 ›
› › церкви...	38 ›	49 ›
› Благотвор. Комитета	14 ›	25 ›
0/00 бумагами поступило	100 ›	— ›

882 р. 21 к.

Балансъ... 11488 р. 89 к.

РАСХОДЪ.

Уплачено за хлѣбъ и пшено.....	211 р.	32 к.
Израсходовано для выдачи въ замужество	20 ›	— ›
› на погребеніе.....	5 ›	50 ›
Дрова для школы и богадѣльни.....	52 ›	74 ›
Единовременно къ праздникамъ Рожд.		
Христова и Пасхи.....	119 ›	44 ›
За платокъ для бѣдной дѣвочки.....	1 ›	— ›
Учителю пѣнія.....	32 ›	50 ›
› руководѣлія.....	36 ›	50 ›
Чертковой слѣпой.....	36 ›	— ›
Очистка сада и др. мелочн. расходы..	4 ›	— ›
Дубовой слѣпой старицѣ.....	8 ›	— ›
Голубчиной въ школу кройки за право-		
ученіе.....	3 ›	— ›
За книги для бібліотеки школы.....	4 ›	45 ›
Страховка и храненіе билетовъ.....	17 ›	80 ›

За подѣлку столовъ для школы.....	12 р. — в.
› переплетъ книгъ.....	7 › 40 ›
› фисгармонію и ноты.....	85 › 96 ›
На выписку журналовъ духовнаго со- держанія.....	18 › 99 ›
Удовольствія для дѣтей.....	11 › 20 ›
На покупку $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумагъ.....	104 › 60 ›
	<hr/>
	Р. 792 р. 40 в.

Остатокъ на 1902 г.

Наличными.....	140 р. 92 в.
Билетами т. е. $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумагами.....	10555 › 57 ›
	<hr/>
	10696 р. 49 в.
	<hr/>
	Балансъ... 11488 р. 89 в.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій были и матеріальныя: ситцу $451\frac{1}{2}$ арш. изъ коиъ отъ Дѣдова А. К. $151\frac{1}{2}$; Мленина М. М.—20; Будинова Н. Н.—180 и Кудинова Гр. Н. 100; муки 60 пуд. изъ коиъ: отъ Безрукова А. Н. 50 билет. по 20 ф.—25 пуд.; отъ А. В. Баченко 5 пуд.; отъ Бутурлиновскаго Т-ва 10 пуд.; отъ Сонина П. П. 5 пудовъ, Петрова 5 пуд. и Сопикова 10 пуд.; отъ Алонцева къ праздн. Пасхи 150 кул.

Для школы—отъ Сопикова письменныя принадлежности на 5 р., отъ П. К. Цопова лакомствъ дѣтамъ къ Рождеству и Св. Пасхи на 6 р.

Всѣхъ получавшихъ ежедневно хлѣбъ и пшено было семействъ 19—лицъ 39.

Приходское Попечительство, принося благодареніе Богу,

за его милость, не может не засвидѣтельствовать своей искренней признательности лицамъ, принимавшимъ участіе въ отчетномъ году въ поддержаніе городскихъ бѣдныхъ и школы Входо-Іерусалимской прихода и вмѣстѣ съ тѣмъ питаетъ надежду, что такое полезное учрежденіе не будетъ оставлено безъ вниманія лицами, желающими добра своему ближнему.

Предсѣдатель попечительства *Филиппъ Александровичъ Петровъ*.

гор. Воронежа Входо-Іерусалимской церкви протоіерей *Аристархъ Аристовъ*.

Члены попечительства: *Василій Михайловичъ Сопиковъ, Андрей Казьмичъ Дьдовъ, Михаилъ Антоновичъ Воищевъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ракъ уже всѣмъ извѣстно, магазинъ мой всегда полонъ лучшими издѣліями изъ золота, серебра, брилліантовъ, мельхіора, иконъ и часовъ.

Кромѣ того извѣщаю г.г. покупателей, что съ 1-го января с./г. въ моемъ магазинѣ имѣется церковная утварь, какъ-то: сосуды, ковчеги, евангелія, паникадила, подсвѣчники, кресты и проч.

Продажа по умѣреннымъ цѣнамъ и безъ запроса.

Н. А. Михайловъ.

Магазинъ на Большой Дворянской ул., соб. домъ.

Телефонъ № 135.

ПО ТРЕБОВАШЮ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Заказы высылаются безъ задатка.

Существующее болѣе 85-ти лѣтъ

БОЛЪШОЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ-МЕХАНИЧЕСКОЕ ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ,

художественная мастерская живописи

Алекс. Борисовича МОСКАЛЕНКОВА,

въ сл. Алексѣевкѣ, Воронежской губерніи, собст. домъ.

Даетъ возможность за умѣренныя цѣны съ разсрочкою платежей (по особому соглашенію) имѣть всевозможные церковные предметы.

Обращаться съ запросомъ и заказами по церковнымъ работамъ въ слободу Алексѣевку, Бирюченскаго уѣзда, собственный домъ, письменно лично съ предъявленіемъ рисунковъ.

ПО С О Г Л А Ш Е Н І Ю.

ИСПОЛНЯЮТСЯ ЗАКАЗЫ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Иконостасы деревянные и искусственнаго мрамора съ живописью и безъ оной.

Кіоты закліросные и столбовые. *Сѣни* надъ престоломъ.

Иконы, для желающихъ увѣковѣчить память столь дорогаго для русскаго человѣка событія спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей смерти 17 окт. 1888 г., разныхъ цѣнъ.

Гробницы отъ 50 р. и *плащаницы* отъ 25 р. и дороже.

Картины прозрачныя на полотнѣ и стеклѣ отъ 25 р. и до 500 р.

Запрестольные образа 25 р. и болѣе.

Иконы аналойныя и другія на цинкѣ и деревѣ на золоченыхъ, чеканныхъ, гладкихъ и простыхъ фонахъ, отъ 10 р. и дороже, судя по размѣру и сложности. Живопись произво-

дится непосредственно руками художниковъ и живописцевъ, а не печатается машинами, какъ въ метахромотипическихъ заведеніяхъ.

Росписи и окраску церквей съ уборкою и безъ оной.

Золоченіе главъ, куполовъ и крестовъ по системѣ на марданъ и фульфарбу.

Перезолотку старыхъ иконостасовъ и *реставрированіе* иконъ.

Свѣчи металлическія съ автоматическою подачею (полное сбереженіе восковыхъ огарковъ).

Подробное объявленіе см. № 5 Вор. Еп. Вѣд.

П Ч Ё Л Ъ

до ста семей.
 $\frac{1}{3}$ въ Даданахъ
 $\frac{2}{3}$ въ мал. дупл.

С Ъ Н А

пудовъ 2,000, степное,
чист. пырей

продаются сходно, письмомъ: *въ сл. Никитовку, Валуйскаго уѣзда, Осмачкину.*

Жнижки-Копыжки

Нар. изд. Я. Бермана. Для ознакомленія одна кн. высыл. **бесплатно.** *Сиб., Фонтанка 95*

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Анастасіемъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, 4 Апрѣля 1902 г. предъ панихидою по Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Дмитріѣ Сергѣевичѣ Сипягинѣ.

Памяти Преосвященнѣйшаго Іосифа, Епископа Михайловскаго. Кончина и погребеніе его.—(Церк. Вѣстн. № 14).

Назрѣвшее дѣло.—*II. Никольскаго.*

Типы православнаго духовенства въ русской свѣтской литературѣ 1899—1901 г.г.—(Душеп. Чтеніе. 1902 г.).

Іосифъ епископъ Воронежскій.

Покрологъ. († Алексѣй Ивановичъ Сахаровъ).—*Ив. Адамова.*

Отчетъ приходскаго Попечительства Воронежской Выходо-Іерусалимской церкви за 1901 г.

Объявленія.

Редакторъ, Ревторъ Семинаріи, Протоіерей *В. Борисоглѣбскій.*

Дозволено Цензурою. Воронежъ. 27 Апрѣля 1902 г. Цензоръ Протоіерей А. Спасскій.